

**ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ:
КАНТОВСКИЕ МОТИВЫ
В ФИЛОСОФИИ С. И. ГЕССЕНА**

А. С. Зильбер¹

Проводится сравнительный анализ идейных оснований политических проектов С. И. Гессена и И. Канта как проектов политического развития и трансформации, а именно постепенных реформ. Отправным пунктом исследования выступает проект «правового социализма», который Гессен выстраивал как синтез нового либерализма и нового социализма своего времени. Основной вопрос исследования касается явной и неявной рецепции идей Канта в этом проекте. Канта и Гессена объединяет исторический оптимизм и неприятие утопий, однако ядро философии истории Гессена — это трансформация неокантианского учения о ценностях. Этапы развития либерализма и социализма Гессен определяет в соответствии с диалектическим методом Гегеля, в чем также прослеживается влияние баденского неокантианства. «Правовой социализм» Гессена сочетает либеральные ценности, а именно право и свободу, с социалистическими ценностями — благом и равенством шансов. Политическую философию Канта в целом можно отнести к классическому либерализму с акцентом на право и свободу. Однако для Гессена Кант стоит как бы в стороне от либерализма и воспринимается прежде всего в качестве философа морали, автора учения о свободе как автономии личности, которую следует защищать даже при социализме. Соотношение права и блага Гессен трактует иначе, чем Кант, и без опоры на него, хотя можно обнаружить возможные точки сближения их идей. Такая же ситуация наблюдается в трактовке понятий общественного договора и общей воли, которые одинаково важны для обоих философов как ориентиры, но представления об их воплощении существенно

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 23.10.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-5

**LEGAL ASPECTS OF STATE REFORM:
KANTIAN MOTIVES
IN THE PHILOSOPHY
OF SERGEY HESSEN**

A. S. Zilber¹

This article compares the ideological foundations of the political projects of Sergey Hessen (Gessen) and Immanuel Kant as projects of political development and transformation, i.e. gradual reform. The starting point is the project of “rule-of-law socialism” which Hessen saw as a synthesis of the new liberalism and new socialism of his time. The main question is overt or covert reception of Kant’s ideas in this project. Kant and Hessen share historical optimism and reject utopias, but the core of Hessen’s philosophy of history is the transformation of Neo-Kantian doctrine of values. The influence of the Baden school of Neo-Kantianism can also be traced in the fact that Hessen defines the stages in the development of liberalism and socialism in accordance with Hegel’s dialectical method. But while Hessen’s “rule-of-law socialism” combines liberal values, i.e. law and freedom, with the socialist values of welfare and equal opportunities, Kant’s political philosophy on the whole belongs to classical liberalism which emphasises law and freedom. But for Hessen Kant, as it were, stands aside from liberalism and is perceived first and foremost as a moral philosopher, author of the teaching on the freedom and autonomy of the individual which should be protected even under socialism. Hessen interprets the relationship between right and good differently from Kant, without turning to him for support, although similarities of their ideas exist. The situation is similar in the interpretation of the concept of the social contract and the common will, which are equally important for both philosophers as reference points, but their ideas on how to achieve them differ substantially. A separate section is devoted to the

¹Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU). 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia. Received: 23.10.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-5

отличаются. Отдельный раздел статьи посвящен сравнению принципов регулирования отношений собственности — это антифеодальные тезисы Канта и антимонополистские тезисы Гессена. В деталях проект «правового социализма» Гессена содержит больше различий с идеями Канта, нежели сходств, однако этот проект можно считать кантианским по духу. Рассмотрение идей Канта с точки зрения Гессена показывает, что целый ряд положений политической философии Канта сформулирован так, что к ним не относится в полной мере та критика, которую Гессен высказывает в адрес классического либерализма.

Ключевые слова: Кант, Гессен, правовой социализм, свобода, равенство, неокантианство

Введение

Тема справедливого государственного строя занимала Сергея Иосифовича Гессена постоянно, но его главные сочинения об этом появились в эмиграции. Отправной пункт моего исследования — обширный трактат «Правовое государство и социализм», который Гессен собрал в послевоенное время из своих статей, напечатанных в журнале «Современные записки» в 1920-е гг., опубликованный только в 1998 г. благодаря его ученику А. Валицкому, сохранившему рукопись. Большое внимание в трактате уделяется истории развития либерализма и социализма и их сближения, а также критике этих направлений мысли. В каждом из них Гессен видел много ценного и искал «средний путь» между ними (Валицкий, 2020, с. 12). Симпатия к либерализму отразилась в понятии «правовое государство» — но и социалистические симпатии Гессен сохранял в течение всей жизни (см.: Белов, 2020, с. 98–99). Например, в 1917 г. это были симпатии к правому крылу внутри левого лагеря, а именно к «марксизму Плеханова» (Гессен, 2010в, с. 786).

Спектр источников проекта «правового социализма» довольно широкий, даже если выделять сугубо философские идеи, на которые Гессен опирался в оценке идеологии и поли-

comparison of the principles of property relations, Kant's anti-feudal theses and Hessen's anti-monopoly theses. On details, Hessen's project of "rule-of-law socialism" has more differences than similarities to Kant's ideas, but is similar to Kant's in spirit. An analysis of Kant's ideas from Hessen's viewpoint shows that some provisions of Kant's philosophy are formulated in such a way that they do not fully apply to Hessen's critique of classical liberalism.

Keywords: Kant, Sergey Hessen, rule-of-law socialism, freedom, equality, Neo-Kantianism

Introduction

The theme of a just state system has always engaged Hessen, but his main works on it were written in emigration. The starting point of my study is the voluminous treatise, *Political Freedom and Socialism*, which Hessen put together in the post-war period, containing articles written for the journal *Sovremenniy zapiski* in the 1920s. These were only published in 1998 thanks to his pupil Andrzej Walicki who had preserved the manuscript. Considerable space in the treatise is given to the history of liberalism and socialism and the *rapprochement* between them as well as their critique. Hessen saw much that was valuable in each of these trends and tried to find a "middle road" between them (Walicki, 2020, p. 12). His sympathy for liberalism shows itself in the concept of "rule-of-law state", but his sympathy for socialism was lifelong (see Belov, 2020, pp. 98-99). In 1917, for example, he sympathised with the right wing of the left, the "Plekhanov Marxism" (Hessen, 2010b, p. 786).

The spectrum of sources of "rule-of-law socialism" is fairly wide, even if we count strictly philosophical ideas from which Hessen proceeded in assessing ideology and politics. Researchers consider the main sources to be Paul Natorp's pedagogy, Heinrich Rickert's

тики. Главными источниками исследователи считают социальную педагогику П. Наторпа, философию ценностей Г. Риккерта, диалектику Г. В. Ф. Гегеля, концепцию общей воли Ж.-Ж. Руссо, а также идеи отечественных мыслителей начала XX в. — П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, Г. Д. Гурвича и др. (Валицкий, 2012, с. 492; Загирняк, 2017; 2020в; 2025; Щедровицкий, 2024). В этом сочетании западных и русских идей «правовой социализм» Гессена, по замечанию М. А. Колерова, является выражением проекта «русского социал-либерализма», который создавался как соединение немецкого «естественного права» с русскими идеями «достойного человеческого существования» и «минимума добра»; такой проект Колеров считает «политически наиболее справедливым для истории и условий России» (Колеров, 2024, с. 152–153).

Сам Гессен отмечает очевидный парадокс: его симпатия к социализму сохранялась несмотря на его кантианство (Гессен, 2010в, с. 786). В «Правовом государстве...» Гессен относит Канта к представителям классической теории либерализма, но подробного анализа кантовской политической философии не предлагает (Гессен, 2010д, с. 147). Насколько к Канту относится вся критика Гессена в адрес классического либерализма — остается вопросом. Ссылок на Канта в «Правовом государстве...» немного, он упоминается в положительном ключе, но в моментах, можно сказать, методологических: как первый, кто установил различие права и нравственности (Там же, с. 252); как автор учения об автономии нравственности, науки и искусства (Там же, с. 147); как автор концепции идеи как «проблемы без всякого разрешения» (Там же, с. 151) или, в более точной формулировке, концепции «заведомо неразрешимой до конца идеи личности и общества» (Там же, с. 205). В статье, написанной к двухсотлетию со дня рождения Канта, Гессен анализирует идеи Канта как философа морали, но не политики (Гессен, 2024): подроб-

philosophy of values, Hegel's dialectics, Rousseau's concept of the common will as well as Russian thinkers of the early twentieth century: Pavel I. Novgorodtsev, Bogdan A. Kistyakovsky, Georges D. Gurvitch and others (Walicki, 2012, p. 492; Zagirnyak, 2017, 2020в, 2025; Shchedrovitsky, 2024). In this combination of Western and Russian ideas Hessen's "rule-of-law socialism", as Modest A. Kolerov (2024, p. 152) points out, is an expression of "Russian social-liberalism", which blended German "natural right" with the Russian ideas of "dignified human existence" and "minimum good", the project Kolerov considers to be doing "more political justice to the history and conditions of Russia than any other".

Hessen himself notes an obvious paradox: his sympathy for socialism was always there in spite of his Kantianism (Hessen, 2010b, p. 786). In the *Rule-of-Law State* Hessen identifies Kant as a representative of the classical theory of liberalism but does not offer a detailed analysis of Kantian political philosophy (Hessen, 2010d, p. 147). It is still unclear to what extent Hessen's critique of classical liberalism applies to Kant. His references to Kant in the *Rule-of-Law State* are few, but they are positive in tone and they occur at what may be called methodological moments: as the first to point to the difference between right and morality (*ibid.*, p. 252); as the author of the teaching on the autonomy of morality, science and art (*ibid.*, p. 147); as the author of the concept of "a problem with no solution" (*ibid.*, p. 151) or, more precisely, as the author of the concept of "the problem of personality and society which can never be solved to the end" (*ibid.*, p. 205). In an article written for the Kant bicentennial, Hessen (1924) looks at Kant as a philosopher of morals and not politics: he unpacks the Kantian ethics (at once favourably and critically) and pedagogy (mainly favourably). Dmitriy E. Samoilov

но разбирает кантовскую этику (одновременно и благосклонно, и критически) и педагогику (преимущественно благосклонно). Д. Е. Самойлов отмечает, что «влияние этики Канта на философию Гессена выражается в понимании русским философом мотивов нравственного поведения, идей свободы и личности», хотя Гессен считал необходимым преодолеть формализм кантовского морального законодательства (Самойлов, 2012, с. 56).

В этом контексте встает вопрос о том, в каком отношении находятся идеи Канта и Гессена, точнее, те комплексы идей, *из* которых и *на* которых строятся политические концепции этих философов. Сам Гессен заявляет, что учеником Канта он был опосредованно, будучи напрямую учеником Риккерта (Гессен, 2010в, с. 825). В связи с этим задача моего исследования — уточнить и определить место идей Канта в трудах Гессена о политике, для чего будут привлечены его различные сочинения, не в последнюю очередь — педагогические. Этот поиск, по сути, отвечает той проблеме в современных исследованиях, посвященных русским неокантианцам, которую Н. А. Дмитриева характеризует следующим образом: «...вопрос о том, что и как реципировалось и интерпретировалось ими в кантовской философии, по-прежнему нуждается в прояснении» (Дмитриева, 2025, с. 58).

Согласно наиболее известным трактовкам эволюции взглядов Гессена, он шел «от неокантианства к кантианству, а затем к платонизму» (см.: Самойлов, 2012, с. 44). Тем не менее требуется немало усилий по восстановлению контекста влияния Канта на Гессена для подробного сопоставления их идей, которое в итоге позволит сформировать относительно целостную картину соотношения, совпадения и различия их политических концепций.

Философия Канта содержит достаточно много идей, которые могли бы вызвать у Гессена желание адаптировать их к своему учению.

(2012, p. 56) observes that “the influence of Kant’s ethics on Hessen’s philosophy shows in the Russian philosopher’s understanding of the motives of moral behaviour, the ideas of freedom and the individual”, although Hessen objected to the formalism of Kantian moral law-making.

This raises the question of the relation between the ideas of Kant and Hessen, or the sets of ideas *out of which* and *on which* their political concepts are built. Hessen declares that he was a pupil of Kant indirectly, while Rickert was his immediate teacher (Hessen, 2010b, p. 825). My task therefore is to clarify and define the place of Kant’s ideas in Hessen’s works on politics. To this end I will draw on various works, not least works on pedagogy. This quest is in fact a response to the problem which Nina A. Dmitrieva (2025, p. 58) recently described thus: “[...] the question of what and how they were received and interpreted in Kant’s philosophy needs further clarification”.

According to the most famous interpretations of the evolution of Hessen’s views, he moved “from Neo-Kantianism to Kantianism and then to Platonism” (*cf.* Samoilov, 2012, p. 44). Even so, it is still a challenge to restore the context of Kant’s influence on Hessen in order to compare their ideas. This will eventually make it possible to form a comparatively complete picture of the relation, similarity and differences of their political conceptions.

There are a good many ideas in Kant’s philosophy, which might have made Hessen want to adopt as his own teaching. For example, the concept of freedom as the basis of the principles of law, the concept of republic, initial “social contract”, common will and reforms. For Kant “gradual reforms” is the path of public development to avoid a revolution (*ZeF*, AA 08, p. 353; Kant, 1996d, p. 325). Hessen, too, saw right-wing socialism as the

Например, понятие свободы как основы принципов права, концепция республики, первоначального «общественного договора», общей воли и реформ. У Канта «постепенные реформы» — это путь политического развития во избежание революции (АА 08, S. 353; Кант, 2024б, с. 171). Гессен мыслил воплощение проекта правового социализма тоже как путь постепенных преобразований, хотя само слово «реформа» встречается в его трактате всего единожды. Победа большевиков означала поражение проекта русского социал-либерализма, но труды Гессена, по оценке Колерова, послужили «развитию теории социализма» именно с философской стороны, в противоположность его «катастрофической» практике в Советской России (Колеров, 2024, с. 153, 155). Тема реформ образует удобную концептуальную рамку для сравнения двух версий политической философии, поскольку в этой рамке охватываются и наличное данное, и ориентиры будущего, и подход к реализации продвижения в это будущее. План дальнейшего рассмотрения гессеновской концепции строится по принципу «от общего к частному». В таком же порядке кантовские принципы реформ излагаются в подробном исследовании К. Лангер (1986), на которое я буду опираться. Лангер отмечает в понятии реформы у Канта два ключевых момента: реформа проводится действующей властью и направлена на восстановление естественных прав, согласно кантовской системе права (Langer, 1986, S. 86). Общие основы философии государства и права и у Канта, и у Гессена укоренены в философии истории — это тема первого раздела статьи. Второй и третий разделы посвящены тому, как оба философа выстраивают основополагающие принципы философии права, какими видят их воплощения в политике и в критике идеологии и как осмысливают соотношение понятий права, блага, свободы и общей воли. В четвертом разделе проводится сравнение прикладного аспекта обеих теорий — принципа собственности.

path of gradual transformations although the word “reform” occurs in his treatise only once. The Bolshevik victory meant the defeat of the project of Russian social-liberalism. But, as Kolerov (2024, pp. 153, 155) notes, Hessen’s works contributed to the “development of the socialist theory” from the philosophical side as opposed to its “disastrous” practice in Soviet Russia. The theme of reform offers a convenient conceptual framework for comparing the two versions of political philosophy because this framework covers the present given, orientation toward the future and movement toward that future. My plan for further examination of Hessen’s concept is based on the principle “from the general to the particular”. The same sequence is followed by Claudia Langer (1986) in the detailed study on which I will depend. Langer singles out two key aspects in Kant’s concept of reform: reform is carried out by the incumbent authorities and is aimed at restoring natural rights in keeping with the Kantian system of right (*ibid.*, p. 86). The general foundations of the philosophy of state and law, both according to Kant and Hessen, are embedded in the philosophy of history, which is the theme of the first part of this article. The second and third parts are devoted to how the two philosophers frame the bedrock principles of the philosophy of law, how they see their implementation in politics and in the critique of ideology and how they see the relations between the concepts of right, good, freedom and common will. The fourth part compares an applied aspect of the two theories: the principle of property.

1. Reforms in Historical Progress

The views of Hessen and Kant on history are informed with the idea of progress and the conviction that each new condition of society is

1. Реформы в историческом прогрессе

Взгляды Гессена и Канта на историю проникнуты идеей прогресса и убеждением в том, что каждое новое состояние общества превосходит предыдущее, будучи более совершенным². Направлением и результатом прогресса для обоих мыслителей является достижение свободы личности. У Канта идея свободы четко определяется в ее политическом и правовом смысле (AA 08, S. 22; Кант, 2024а, с. 36). Гессен подчеркивает, что сама концепция свободы исторически изменчива и не может трактоваться как абсолютная и окончательная (Гессен, 2010г, с. 530, 533).

Как Кант, так и Гессен противопоставляют свое учение о государстве и праве утопическим проектам. Гессен характеризует «утопизм» как попытку «построить идеальный порядок, не считаясь с конкретными условиями места и времени» (Гессен, 2010д, с. 43), отрицая все, что сложилось исторически (Там же, с. 45). «Утопиям ныне уже больше никто не верит, в них все разочаровались», однако волна этого разочарования может вынести к другой нежелательной крайности — беспринципному и узкопрактическому отношению к действительности (Там же, с. 43). Кант, по сути, также выступает против обеих этих крайностей, хотя называет их иначе: «утопизму», на мой взгляд, у него соответствует «фантазия экзальтированного ума» или «сладкая мечта», среди примеров которых названа «Утопия» Т. Мора (AA 07, S. 92; Кант, 2024г, с. 338—339), а беспринципности соответствует «ловкость подстраиваться под любые обстоятельства» (AA 08, S. 374; Кант, 2024б, с. 196).

² При этом Канта, например, не смущают замедления прогресса в виде «темных веков» в истории Европы; главное, что «влияние римлян на варваров» вообще состоялось и что даже в периоды упадка «всегда сохранялся зародыш просвещения», который подготавливал следующую ступень улучшения в гражданском устройстве и отношениях между государствами (AA 08, S. 29—30; Кант, 2024б, с. 45—56).

superior and more perfect than the one before it.² For both thinkers the direction and result of progress is liberation of the individual. Kant defines freedom clearly in the political and legal sense (*IaG*, AA 08, p. 22; Kant, 2007, p. 112). Hessen argues that the concept of freedom itself is historically changeable and cannot be seen as absolute and final (Hessen, 2010c, pp. 530, 533).

Both Kant and Hessen counterpose their ideas of state and law with utopian projects. Hessen (2010d, p. 43) describes “utopianism” as an attempt “to build an ideal order disregarding the concrete conditions of place and time”, denying all that has been established historically (*ibid.*, p. 45). “Nobody believes utopias anymore, everyone is disappointed with them”, but the wave of such disappointment may carry one to the other undesirable extreme, namely an unprincipled and narrowly practical attitude to reality (*ibid.*, p. 43). Kant is in fact also against these two extremes although he calls them differently: instead of “utopianism” he speaks of “the dreaming of an overstressed mind” or “a sweet dream”, citing as an example Thomas More’s *Utopia* (*SF*, AA 07, p. 92; Kant, 1996b, p. 307), and instead of unprincipled attitude he speaks of the “skill in turning their hand to everything” (*ZeF*, AA 08, p. 374; Kant, 1996d, p. 341).

According to Kant, the meaning of history is determined teleologically as the “aim” which nature sets for the human race and which consists in the development of all

² Kant, for example, is unperturbed by the slowing down of progress during the “dark ages” in Europe’s history; for him what matters is that “influence of the Roman nation on the barbarians” took place at all and that even in the periods of decline “there was always left over a germ of enlightenment”, which prepared the next stage of improvement in civil order and relations among states (*IaG*, AA 08, pp. 29-30; Kant, 2007, p. 119).

Смысл истории, по Канту, задается телеологически — условной «целью», которую имеет природа в отношении человеческого рода и которая состоит в раскрытии всех задатков человечества (AA 08, S. 18; Кант, 2024а, с. 32). Такая формулировка цели связывает ее с бесконечным процессом развития, который по большей части невозможно предсказать и даже постичь, хотя одна постижимая часть в нем есть — это развитие моральных задатков на пути к «царству целей» (AA 04, S. 433; Кант, 1997, с. 182). Такой путь хотя и бесконечен, но данную часть цели истории Кант мыслит всецело постижимой, поэтому движение к этой цели требует полного осознания. Движение к «царству целей» возможно только через развитие «культуры воспитания», но есть и другая часть задатков, подлежащих «раскрытию», менее предсказуемая: это то, чего человечество пожелает и сможет достичь в развитии «культуры умения» (AA 05, S. 431–432; Кант, 2001, с. 701). Развитие культуры умения ведет к техническому прогрессу, и локомотивом этого развития выступают в основном властолюбие, честолюбие и корыстолюбие, то есть «необщительная общительность» и в целом социальный антагонизм, а значит, такое развитие во многом иррационально и спонтанно (AA 08, S. 20; Кант, 2024а, с. 35).

Необходимой составляющей прогресса Кант считает не только этически определенное «царство целей», но и постижимую и в целом вполне понятную человеку «задачу» истории — достижение «*всеобщего правового гражданского общества*» (AA 08, S. 18; Кант, 2024а, с. 36). На первый взгляд, в тексте «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» понятие «задачи» малозаметно, однако Э. Ю. Соловьев подчеркивает ключевую роль, которую оно играет в связке с «целью», выступая как необходимое условие для движения к цели. Эта задача — организация правового государства, достижение «всеобщего правового гражданского общества», в котором максимальная свобода

predispositions of humanity (*IaG*, AA 08, p. 18; Kant, 2007, p. 109). This formulation of the goal implies an infinite process of development which is largely impossible to predict and even to fathom although one part of it is fathomable, and it is the development of moral predispositions on the way to “a kingdom of ends” (*GMS*, AA 04, p. 433; Kant, 1998b, p. 41). This path may be infinite, and yet Kant considers this part of the aim of history to be totally fathomable because movement toward this goal has to be conscious. Movement toward “a kingdom of ends” is possible only through the development of “culture of training”, but there is another part of predispositions which needs to be “revealed” and which is less predictable. It is what humanity may wish and be able to achieve in the development of the “culture of skill” (*KU*, AA 05, pp. 431–432; Kant, 2000, p. 299). The development of the culture of skill leads to technical progress, the key drivers of this development being lust for power, ambition and greed, i.e. “unsocial sociability” (without which it would have been impossible) and in general social antagonism, hence such development is in many ways irrational and spontaneous (*IaG*, AA 08, p. 20; Kant, 2007, p. 111).

Kant holds that a necessary component of progress, along with an ethical determination of the “kingdom of ends”, is “the achievement of a civil society universally administering right” (*IaG*, AA 08, p. 22; Kant, 2007, p. 112), a problem of history generally comprehensible to the human being. On the face of it, the concept of “problem” in the context of the “Idea...” is little noticed. However, Erikh Yu. Solovyov singles it out stressing that, coupled with the “goal”, it is the necessary condition of movement toward the goal. The *problem* is organising a universal rule-of-law state, “the achievement of a civil society universally

сочетается с ее строгим ограничением свободой другого (AA 08, S. 22; Кант, 2024а, с. 36, 37), а государство существует в форме республики с представительной законодательной властью. Решить задачу можно только действуя с пониманием, то есть задача должна быть осознана (Соловьев, 2005, с. 267), несмотря на то что решение задачи, фигурально выражаясь, немногим менее бесконечно, чем достижение цели, поскольку «политика сама по себе трудное искусство» (AA 08, S. 380; Кант, 2024б, с. 204), впрочем, как и достижение моральной чистоты мотивов поступков. Так Кант определяет рациональный смысл политической истории и критерии прогресса.

У Гессена установка на постоянные и постепенные политические преобразования укоренена в его концепции культурных ценностей как безусловно ценных целей. Он разделяет все цели людей на два вида: первый вид, *цели-данности* — это «задачи, допускающие полное и окончательное разрешение» (Гессен, 1995, с. 33), а второй вид, *цели-задания* — это «культурные ценности», ценные сами по себе, они «*по самому существу своему являются неисчерпаемыми*» и тем не менее частично разрешимыми для каждого человека, стремящегося к их воплощению (Там же, с. 33–34). Эти цели-задания культивируются ради них самих, а не только как средство для других целей. Безусловность целей-заданий является оборотной стороной их неисчерпаемости, а их совокупность составляет, по словам Гессена, существо культуры (Гессен, 2010д, с. 49). Цели-задания как культурные ценности можно отнести к общественным целям, однако они вполне совместимы с индивидуальной свободой (см.: Загирняк, 2025). Одна из таких целей, «хозяйственная деятельность, будучи орудием самосохранения общества и служа целям личного обогащения, обладает и самодовлеющей ценностью, поскольку расширяет господство человека над природой» (Гессен, 2010д, с. 49). У Канта нет близкого анало-

administering right”, in which “the greatest freedom” goes hand-in-hand with its being strictly limited by the freedom of the other (*IaG*, AA 08, p. 22; Kant, 2007, p. 112), and the state exists as a republic with a representative legislature. This task (*Aufgabe*) can only be accomplished consciously (Solovyov, 2005, p. 267), despite the fact that metaphorically speaking it is slightly less infinite than the achievement of the goal since “politics by itself is a difficult art” (*ZeF*, AA 08, p. 380; Kant, 1996d, p. 347) like the achievement of the moral purity of acts. That is how Kant defines the rational meaning of political history and the criteria of progress.

With Hessen, the commitment to constant and gradual political transformations is embedded in the concept of cultural values as being unconditionally valid goals. He divides human goals into two types: the first type is *given ends*, i.e. “goals that lend themselves to complete and final resolution” (Hessen, 1995, p. 33), and the second type is *end-tasks*, i.e. “cultural values” that have intrinsic value and “are essentially inexhaustible” and yet are partially achievable for anyone who strives toward them (*ibid.*, pp. 33-34). These end-tasks are pursued for their own sakes and not only as a means toward achieving other ends. The unconditional character of the end-tasks is the direct consequence of their being inexhaustible, and together, Hessen (2010d, p. 49) believes, they form the essence of culture. End-tasks as cultural values can be described as public goals, but they are quite compatible with individual freedom (*cf.* Zagirnyak, 2025). One such goal, “economic activity, being an instrument of society’s self-preservation, and serving the interests of personal enrichment, has inherent value because it enhances human being’s dominance over nature (*ibid.*). Kant has no analogue to “end-task” though it is similar

га понятия «цель-задание», хотя оно сходно с кантовскими «целью истории» в аспекте неисчерпаемости и с «задачей» в аспекте идеи права как ценности.

Концепцию цели-задания Гессен создал в развитие неокантианской теории ценностей³. Согласно Г. Риккерт, ценности — это вечные объекты; человек не может познать их во всей их полноте, но способен опознать запечатление ценности в предметах действительности — в благах (Риккерт, 1998, с. 23). Культура развивается как процесс все более совершенного воплощения ценностей. Когда Гессен объясняет, что история немыслима без «ценностей науки, искусства, государства, права, хозяйства, лежащих в ее основании и делающих ее впервые возможной» (Гессен, 1995, с. 34), он ссылается на сочинения Риккерта (Там же, с. 383). У Канта не было подобной дифференциации благ в связи со сферой нематериальных целей, но в «Основах педагогики» Гессен характеризует «культурные ценности» как неисчерпаемые задачи, которые являются, «по слову Канта, “проблемами без всякого разрешения”» (Там же, с. 33). Однако Кант пишет об этом не в морально-правовом или социально-политическом контексте — это слова из «Трансцендентальной диалектики» об эмпирически непредставимой *идее* абсолютно-го целого всех явлений (B 384; Кант, 2006, с. 495).

Гессен развивает теорию ценностей, стремясь преодолеть проблематичность Риккертова понятия ценности: с одной стороны, акт оценки требует опознания ценности, с другой — содержание самой ценности едва ли познаваемо. Возникает вопрос, каким образом эта оценка может быть рациональной, осознанной, отличной от субъективной мистики переживания (Гессен, 2010б, с. 427). Гессен вводит понятие «предание» — это совокупность существующих достижений прошлых поколений в воплощении цели-задания (то есть ценности). Пре-

to his “goal of history” in that it is inexhaustible and to “task” in terms of right as a value.

Hessen developed the concept of end-task as an extension of the Neo-Kantian theory of values.³ According to Rickert (1910, p. 12), values are eternal objects; man cannot fully understand them, but he can identify embodiments of value in objects of reality, in goods. Culture develops as a process of ever more perfect embodiment of values. When Hessen explains that history is unthinkable without “the values of science, art, state, right, and economy which underpin it and for the first time make it possible” (Hessen, 1995, p. 34), he cites the works of Rickert (*ibid.*, p. 383). Kant does not have such a differentiation of goods in connection with intangible things, but Hessen in the *Fundamentals of Pedagogy* describes “cultural values” as inexhaustible tasks which, “according to Kant, are ‘problem[s] without any solution’” (Hessen, 1995, p. 33). However, Kant writes about it not in the moral-legal or socio-political context, these being words from the *Transcendental Dialectic* concerning the empirically unrepresentable *idea* of the absolute entirety of phenomena (KrV, B 384; Kant, 1998a, p. 402).

Hessen develops the theory of values seeking to overcome the problem with Rickert’s concept of value: on the one hand, the act of assessment requires identification of the value and on the other hand the content of value is hardly knowable. The question suggests itself, how can assessment be rational, conscious, and different from the subjective mystique of experience? (Hessen, 1912, p. 99). Hessen introduces the concept of *legend* meaning the total body of achievements of past generations in implementing the end-task (i.e. value).

³ В частности, в «Основах педагогики» при определении понятия «история» Гессен следует за Риккертом (Гессен, 1995, с. 383).

³ For example, in the *Fundamentals of Pedagogy* Hessen follows Rickert in defining the concept of “history” (Hessen, 1995, p. 383).

дание позволяет понять, каким образом можно более совершенно воплотить цель-задание в настоящем и будущем. Подлинно реально только то задание, которое вырастает из предания; в свою очередь, цели-задания позволяют осмыслить прошлое как процесс развития их воплощения (Гессен, 2010д, с. 57). Таким образом укрепляется связь ценностей и действительности, а формы и порядки жизни передаются от поколения к поколению, связывая их цепью преемственности (см.: Загирняк, 2020в, с. 124–125). «Сохранить предание — это значит *уйти* от него в направлении задания», — утверждает Гессен (Гессен, 2010д, с. 60). Именно поэтому утопизм, полагающий «задание в полном отрыве от животворящего его предания», для Гессена неприемлем (Там же, с. 53).

Гессен изобретает свое решение проблемы связей ценностей и действительности без опоры на Канта. Тема преемственности представлена у Гессена в понятии «предания» более явно и в более широком культурном смысле, чем у Канта. Кант касается темы преемственности, когда обсуждает принципы политической трансформации. Он настаивает на том, что возможно управление государством в духе республики при сохранении официальной монархии (AA 08, S. 352; Кант, 2024б, с. 171; см. Langer, 1986, S. 114). Предостерегая от поспешности в воплощении политического идеала, Кант пишет, что «опрометчивая» реформа может привести к анархии, поэтому в проведении реформ следует действовать постепенно, сообразовываясь с благоприятными обстоятельствами (AA 08, S. 373, 378; Кант, 2024б, с. 195, 201).

Итак, в общем понимании истории культуры как целеориентированного процесса у Канта и Гессена обнаруживаются сходные установки на постепенность и преемственность развития, однако их основания и понятийный аппарат различаются, и связь между взглядами Канта и Гессена — исключительно опосредованная, через рецепцию и трансформацию взглядов неокантианца Риккерта, чьим учеником был Гессен.

Legend makes it possible to understand how to better fulfil the end-task in the present and future. Only that task is real which grows out of *legend*; in turn, end-tasks make it possible to understand the past as the process of the evolution of their fulfilment (Hessen, 2010d, p. 57). This strengthens the link between values and reality while forms and traditions of life are handed down from generation to generation, creating a continuity (cf. Zagirnyak, 2020c, pp. 124-125). “To *preserve* the legend means to *depart* from it in the direction of the task”, Hessen maintains (2010d, p. 60). That is why he rejects utopianism, which posits “a task totally divorced from the life-giving legend” (*ibid.*, p. 53).

Hessen invents a solution to the problem of links between values and reality without leaning on Kant. Hessen represents the theme of continuity in the concept of *legend* in a more overt and in a broader cultural sense than does Kant. Kant touches on the theme of continuity when he discusses the principles of political transformation. He argues that it is possible to run a state as a republic while officially preserving a monarchy (ZeF, AA 08, p. 352; Kant, 1996d, p. 324; cf. Langer, 1986, p. 114). Warning against undue haste in implementing the political ideal, Kant writes that “premature” reform may lead to anarchy, which is why reform should be carried out gradually when circumstances favour it (ZeF, AA 08, pp. 373, 378; Kant, 1996d, pp. 341, 344).

We see, then, that Kant and Hessen have a shared view of the history of culture as a goal-oriented process, both stressing gradualness and continuity of development, but their grounding and conceptual tools differ, so that the connection between their views is entirely indirect via the reception and transformation of the views of Rickert, the Neo-Kantian who was Hessen’s teacher.

2. Право и благо: Кант и Гессен о либерализме

Если утопизм разрывает связь между преданием и заданием, то какая идеология может наилучшим образом обеспечить их связь и преемственность? Правовой социализм, — отвечает Гессен. В его представлении эта идеология преодолевает крайности и ограниченности либерализма и социализма путем сочетания их основополагающих ценностей. Для либерализма такой ценностью изначально была и остается идея права на свободную конкуренцию с равными шансами (в правовом отношении, но не в экономическом). Для социализма — идея блага, точнее, всеобщее благополучие.

Чтобы показать перспективу правового социализма, Гессен досконально анализирует логику и механику эволюции как либерализма, так и социализма на пути их исторического сближения. Он показывает, что трансформация либерализма происходила под влиянием развития капиталистической экономики в направлении монополизации. Развитие хозяйства обнаружило те опасные тенденции в капитализме, которые не были предугаданы либерализмом изначально — и стало ясно, что либеральная идея права должна быть дополнена идеей блага. Последняя была радикально сформулирована в раннем социализме, но Гессен настаивает на том, что в либерализме обеспечение блага тоже изначально подразумевалось, только неявно, как цель и смысл права. Итоговый синтез права и блага возможен именно в новом социализме (Гессен, 2010д, с. 236). По сравнению с развитием либерализма, история трансформации социализма более сложная и определяется, как показывает Гессен, не столько историческими обстоятельствами, сколько принципами диалектики. Начальный этап развития социализма, а именно его утопическую форму, Гессен называет безусловным («аб-

2. Right and Good: Kant and Hessen on Liberalism

If utopianism severs the link between legend and tasking what is the ideology that best ensures their connection and continuity? Hessen's answer is rule-of-law socialism. He believes that this ideology is free of the extremes and limitations of liberalism and socialism while combining their basic values. For liberalism this value has been from the outset the right to free competition with equal chances (in legal, not economic terms). For socialism it is the idea of good or rather, general welfare.

To prove the validity of the rule-of-law socialism Hessen provides a thorough analysis of the logic and mechanism of the evolution both of liberalism and socialism even as they draw closer during the course of history. He demonstrates that liberalism was transformed under the influence of monopolisation of the capitalist economy. Economic development revealed the dangerous tendencies of capitalism which liberalism had failed to foresee initially, so that it became clear that the liberal idea of law had to be complemented by the idea of the good. The latter was radically formulated by early socialism, but Hessen insists that liberalism, too, envisaged general welfare from the start, but that it was implicit as the goal and meaning of law. The synthesis of the right and the good is possible under new socialism (Hessen, 2010d, p. 236). Compared to the development of liberalism, the history of the transformation of socialism is more complicated, determined, as Hessen demonstrates, not so much by historical circumstances as by dialectics. Hessen describes the early stage of the development of socialism, i.e. its utopian form, as unconditional ("abstract") negation of liberalism (*ibid.*,

страктным») отрицанием либерализма (Там же, с. 123). Затем следуют еще два диалектических этапа развития («реальное» отрицание либерализма в марксизме и его «вырождение» в «чистое уничтожение» либерализма в революционном коммунизме) (Там же, с. 139; см. также с. 164). Наконец, на четвертом этапе социализм доходит до «перерождения реального отрицания в преобразующее (утверждающее) отрицание» (Там же, с. 191), при котором вбирает в себя некоторые моменты либерализма (Там же, с. 247).

Г. Д. Гурвич писал о «гегельянском оттенке» в философии Гессена, подразумевая его «Основы педагогики» (цит. по: Загирняк, 2017, с. 32). М. Ю. Загирняк отмечает, что и становление либерализма Гессен тоже «понимает исходя из общей логики развития права в соответствии с диалектикой Г.В.Ф. Гегеля» (Там же). Именно путь развития социализма имеет для Гессена приоритет в рассмотрении истории идеологий. Гессен объясняет, почему этапов оказывается четыре, а не три: «У Гегеля есть замечательная формула, касающаяся существа отрицания: становясь реальным, отвлеченное отрицание (*Verneinung*) имеет перед собою два пути — или выродиться в уничтожение (*Vernichtung*), или стать “снятием”, “отменой” (*Aufhebung*)...» (Гессен, 2010д, с. 191). Соответственно, революционный коммунизм оказывается «чистым уничтожением» (Там же, с. 164), а стадия «утверждающего отрицания» наступит в других учениях, начиная с Ф. Лассалля с его идеей социального государства (Там же, с. 191).

Из либерализма Гессен заимствует свой главный критерий оценки развития государства и права — обеспечение и расширение сферы личных прав и свобод. Для Канта эта сфера тоже важна, поскольку он включает свободу в триаду принципов, которые должны определять положение гражданина в государстве: свобода,

p. 123). Then follow two dialectical stages of development (“real” negation of liberalism in Marxism and its “degeneration” into “bare destruction” of liberalism in revolutionary communism) (*ibid.*, p. 139, 164). Finally, at the fourth stage socialism comes to the regeneration of real negation into “transforming (affirmative) negation” (*ibid.*, p. 191), when socialism acquires some features of liberalism (*ibid.*, p. 247).

Georges D. Gurvitch noted a “touch of Hegelianism” in Hessen’s philosophy referring to his *Fundamentals of Pedagogy* (quoted from Zagirnyak, 2017, p. 32). Mikhail Yu. Zagirnyak (2017, p. 32) notes that Hessen, too, interprets the emergence of liberalism “proceeding from the general logic of the development of law in line with Hegel’s dialectics”. For Hessen it is the path of socialism’s development that is central to the study of the history of ideologies. Hessen (2010d, p. 313) explains why there turn out to be four and not three stages of socialism: “Hegel has a wonderful formula concerning the essence of negation: by becoming real, abstract negation (*Verneinung*) faces an alternative, either to degenerate into destruction (*Vernichtung*) or to be ‘sublated’ or ‘cancelled’ (*Aushebung*).” Accordingly, revolutionary communism turns out to be “bare destruction” (*ibid.*, p. 283), and the stage of “affirmative negation” is represented in other teachings beginning from Ferdinand Lassalle’s ideas of the social state (*ibid.*).

Hessen borrows from liberalism his main criterion of assessing the development of the state and law, and that is the securing and broadening of the sphere of individual rights and freedoms. This sphere is also important for Kant since he includes freedom in the triad of principles that should determine a citizen’s position in the state: freedom,

равенство и самостоятельность⁴ (AA 08, S. 290; Кант, 2024в, с. 131). По убеждению Гессена, классический либерализм понимал обеспечение свободы и равенства в негативном смысле: свободу — как запрет посягать на пространство свободы другого, запрет на совершение определенных поступков, а равенство — как «отмену привилегий для одних групп общества и запрещений для других групп, связанных с происхождением и родом занятий индивидов» (Гессен, 2010д, с. 74). Такое понимание свободы и равенства мы видим и у Канта, когда он пишет про обязанность власть имущих «никому не отказывать и никого не умалять в его правах из-за недоброжелательности или сострадания к другим» (AA 08, S. 378; Кант, 2024б, с. 202). Гессен подчеркивает, что упомянутая отмена сословных привилегий не была для либерализма конечной целью: нужно было обеспечить честную конкуренцию. При этом не сразу стала понятна закономерность: изначальная конкуренция между лицами, равными в своих правах, все же не вполне равная, поскольку на нее имеют влияние всевозможные факторы различия в ресурсах, способностях и обстоятельствах — причем не только экономических, но и идеологических, которые проявляются, например, в центрах и силах неофициального клерикального влияния (Гессен, 2010д, с. 88). Ввиду этого различия наряду с правовым равенством возникает огромное экономическое расслоение, имеющее тенденцию закрепиться, и уже на новом уровне устанавливается неравенство возможностей, превращающее «экономическую борьбу двух лиц в одностороннее господство одного над совершенно обезличенным существованием другого» (Там же, с. 75). Конкуренция в результате снова прекращается, исход ее

⁴ «Самостоятельность» Кант приводит в трактате «О поговорке», а позднее, в трактате «К вечному миру», на место *самостоятельности* Кант поставил *зависимость* «всех от единого общего законодательства» (AA 08, S. 349; Кант, 2024в, с. 167), что можно назвать формой принципа верховенства права.

equality and independence⁴ (TP, AA 08, p. 290; Kant, 1991, p. 74). Hessen is convinced that classical liberalism had a negative view of how freedom and equality should be ensured: freedom as a ban on encroachment on the freedom of the other, a ban on certain acts and equality as “cancelling of privileges of some groups of society and a ban on other groups connected with background and occupations of individuals” (Hessen, 2010d, p. 74). We find the same interpretation of freedom and equality in Kant when he writes that the powers that be should have no right “to deny anyone his right or to encroach upon it out of disfavor or sympathy for others” (ZeF, AA 08, p. 379; Kant, 1996d, p. 345). Hessen stresses that the ban on social estate privileges was not the ultimate goal of liberalism, it was necessary to ensure fair competition. It did not become immediately apparent that initial competition between people with equal rights was not quite fair because it depended on various differences of resources, talents and circumstances as manifested, for example, in the centres and forces of unofficial clerical influence (Hessen, 2010d, p. 88). Owing to these differences, along with legal equality, huge economic stratification arises and tends to endure, such that at a new level there is established inequality of opportunities which turns “economic struggle between two persons into one-sided dominance of one over a totally depersonalised existence of the other” (*ibid.*, p. 75). As a result, competition stops, its outcome being pre-determined. Mitigating the stratification, combatting monopolism,

⁴ Kant mentions independence in the article “On the Common Saying: This May Be True in Theory, but It Does Not Apply in Practice”, and later in the treatise, *Toward Perpetual Peace*, he replaced *independence* with “*dependence* of all upon a single common legislation” (ZeF, AA 08, p. 349; Kant, 1996d, p. 322), which can be called a formula of the rule-of-law.

становится заранее предрешенным. Корректировка этого расслоения, борьба с монополизмом, поддержка наименее удачливых, обеспечение честной борьбы, оставляющей шансы на успех обеих сторон, — это требует уже новых мер поддержки, которые не ограничиваются негативным равенством перед законом, но включают положительное «равенство исходного пункта» (Там же), а точнее, «предоставление каждому лицу условий, содействующих» продвижению вперед по общественной лестнице в меру способностей (Там же, с. 83).

Классический либерализм проводил «мысль, что государство должно... воздерживаться от принудительного приведения своих подданных к определенно понимаемому Благу» (Там же, с. 86). Однако предусмотренная в классическом либерализме помощь от государства при нарушениях сферы личной свободы — это «минимум положительных притязаний индивида и соответствующих обязанностей государства» (Там же, с. 80). Обеспечить соблюдение прав для тех, кто актуально пользуется ими, и обеспечить возможность пользоваться ими — вот идея позитивной свободы в новом либерализме. Такая идея свободы, дополненная идеей социального уравнивания и экономического благополучия, снова обретает «подлинный смысл, грозивший быть совсем утраченным в силу изменившейся жизненной обстановки» (Там же, с. 82).

Гессен считает, что дополненная идея свободы соответствует той надысторической высшей сущности всей сферы личных прав, которую он описывает по-кантовски: личность «непроницаема» для другого лица, в том числе и для государства, «она не может превратиться в простое орудие удовлетворения чужих потребностей» (Там же, с. 81). Право остается в центре схемы нового либерализма, а благо служит его орудием «и преследуется только в меру права», подчеркивает Гессен (Там же, с. 87). Симметричным образом для нового социализма глав-

support of the less fortunate, ensuring a level playing field in which both sides have a chance of success — all this calls for new measures of support which are not confined to negative equality under law but include affirmative “equality at the starting point” (*ibid.*), more precisely, “ensuring for every person conditions that contribute” to advance up the social ladder in accordance with his/her abilities (*ibid.*, p. 83).

Classical liberalism promoted “the idea that the state must [...] refrain from imposing on its subjects a certain interpretation of Good” (*ibid.*, p. 86). However, the state assistance classical liberalism envisages for those whose personal freedom has been violated is a “minimum of positive claims of the individual and corresponding duties of the state” (*ibid.*, p. 80). The idea of positive freedom in new liberalism is to ensure compliance with the rights of those who actually enjoy them and to secure their right to exercise them. Such an idea of freedom, complemented by the idea of social levelling and economic well-being, brings back “the genuine meaning which threatened to be lost owing to the changed life situation” (*ibid.*, p. 82).

Hessen takes the view that the idea amplified in this way corresponds to the supra-historical highest notion of the whole sphere of personal rights which he describes in Kantian language: the individual is “impervious” for another person, including the state, “it cannot turn into a mere tool for meeting others’ needs” (*ibid.*, p. 81). Right remains the focus for new liberalism while good serves as its tool and “is pursued only to the extent of right”, Hessen stresses (*ibid.*, p. 87). Symmetrically, for the new socialism good remains the main value but the means of securing it are limited by a value from the domain of law, viz. the value of freedom and autonomy of the individual.

ной ценностью остается благо, но средства его обеспечения ограничены другой ценностью из области права, а именно ценностью свободы и автономии личности.

У Канта тема экономического регулирования и социальной поддержки как обеспечения равных возможностей находится на периферии его сочинений и лекций. Можно выделить две причины, по которым ценность блага у Канта не может занять высокое место.

Во-первых, Кант — борец с этикой эвдемонизма XVIII столетия и ее политическими воплощениями. Последние состояли, как показывает Э. Ю. Соловьев, в двух главных аспектах: 1) наводнение мелочных и оттого ненадежных предписаний, «как стать счастливым» (Соловьев, 2005, с. 48), 2) патерналистская опека государства над подданными под маской заботы об их благе (Там же, с. 56). Разбор первого пункта Кант проводит в этике («Критика практического разума»), разбор второго — в трактате «Ответ на вопрос: что такое просвещение». Вдобавок в трактате «К вечному миру» Кант показывает, как забота о благе государства (в виде «технической» проблемы государственного здравомыслия) маскирует преследование интересов узкого круга лиц (см.: AA 08, S. 374, 377; Кант, 2024б, с. 196, 200). *Во-вторых*, кантовское понятие «антагонизма» подразумевает, что неравенство — это то, что побуждает к развитию (AA 08, S. 21; Кант, 2024а, с. 35). Это аргумент против сближения Канта с социалистическими идеями.

Но у Канта подразумевается, можно сказать, значительная забота государства о благе. В кантовский арсенал ее допустимых и даже желательных средств входят, например, оптимизация социальной инфраструктуры и побуждение граждан к определенным видам хозяйственной деятельности через меры материального стимулирования этих видов деятельности путем субсидий и тому подобного (AA 27.2.1, S. 548; см.: Dierksmaier, 2009, S. 51).

As for Kant, the theme of economic regulation and social support to secure equal opportunities is marginal to his works and lectures. I can point to two reasons which prevent Kant from awarding a high place to the good.

First, Kant is a fierce opponent of the ethics of eudemonism and its political manifestations and embodiments. These embodiments, as Erikh Solovyov has shown, were dramatically manifested in the eighteenth century in two ways: 1) the flood of trivial and therefore unreliable prescriptions on “how to be happy” (Solovyov, 2005, p. 48), 2) paternalistic tutelage of the state under the guise of concern for the subjects’ good (*ibid.*, p. 56). Kant unpicks point (1) in ethics (*Critique of Pure Reason*) and point (2) in the article “An Answer to the Question: What Is Enlightenment?”. In addition, in the treatise *Toward Perpetual Peace* Kant shows how pursuit of the interests of a narrow circle of people is disguised as concern for the good of the state (in the form of a “technical” problem of political prudence) (see ZeF, AA 08, pp. 374, 377; Kant 1996d, pp. 341, 344). *Second*, the Kantian concept of “antagonism” suggests that inequality is a driver of development (ZeF, AA 08, p. 21; Kant, 1996d, pp. 111-112). This is an argument against ascribing socialist ideas to Kant.

But Kant envisages considerable state concern for the good of the people. Kant’s catalogue of allowable and even desirable forms of such concern includes, for example, optimisation of the social infrastructure and the awakening of the citizens for certain types of economic activities by giving incentives by means of subsidies and the like (*V-Mo/Vigil*, AA 27.2.1, p. 548; cf. Dierksmaier, 2009, p. 51). However, these measures are not aimed at eliminating economic imbalances in the conditions of entire social estates and classes

Однако эти меры не направлены на выравнивание экономических дисбалансов в положении целых сословий и классов в рамках капиталистической экономики — такая проблема Кантом не поднимается, за исключением вопроса об отмене наследственных привилегий в сословном статусе и владении имуществом (эта тема освещается в последнем разделе данной статьи). Кант находил естественным различие статуса активных и пассивных граждан в соответствии с их положением в обществе и в экономике и соответствующее этому статусу ограничение избирательных прав. По его словам,

всеобщее равенство людей в государстве как его подданных очень хорошо уживается с величайшим неравенством в количестве и размерах их обладания, будь то физическое или духовное превосходство [одних] над другими, или во внешних благах и в правах вообще (а их может быть очень много) по отношению к другим; так что благосостояние одного в значительной степени зависит от воли другого (бедного от богатого) и один должен подчиняться, а другой ему приказывает (как ребенок подчиняется родителям или жена мужу), один служит (как поденщик), другой ему платит и т.д. (AA 08, S. 292; Кант, 2024в, с. 133).

Рассматривая проблему бедности, Кант, с одной стороны, полагает, что государство должно оказывать помощь беднякам через специальные фонды и распределение средств, полученных с налогов на имущество состоятельных граждан. С другой — он абсолютно не предполагает наличия у государства обязанности помогать гражданам повышать свой социальный статус. Те, кто получил необходимую помощь, должны, согласно Канту, далее повышать свое благосостояние самостоятельно, поскольку паразитическое существование граждан было бы «несправедливым бременем» для общества (AA 06, S. 325—326; Кант, 2014, с. 349). Н. Санчес-Мадрид считает, что для Канта эти рассуждения связаны с темой личного стремления к счастью, темой выбора на свое усмотрение

within the capitalist economy — Kant does not raise this problem, the sole exception being the question of abolishing hereditary privileges of social status and property ownership (the theme is discussed in the final part of this article). Kant considered natural the difference of status between active and passive citizens in accordance with their position in society and the economy and restriction of voting rights in accordance with this status:

This uniform equality of human beings as subjects of a state is, however, perfectly consistent with the utmost inequality of the mass in the degree of its possessions, whether these take the form of physical or mental superiority over others, or of fortuitous external property and of particular rights (of which there may be many) with respect to others. Thus the welfare of the one depends very much on the will of the other (the poor depending on the rich), the one must obey the other (as the child its parents or the wife her husband), the one serves (the labourer) while the other pays, etc. (TP, AA 08, p. 292; Kant, 1991, p. 75).

Analysing the problem of poverty Kant, on the one hand, believes that the state should render assistance to the poor through special funds and distribution of the money raised by taxing the property of the well-to-do citizens. On the other hand, it does not occur to him that the state is duty-bound to help its citizens to raise their social status. Having received due assistance, recipients of such help, in Kant's opinion, should thenceforth better themselves independently because the parasitic existence of citizens would be "an unjust burdening" for society (MS RL, AA 06, p. 326; Kant, 1996c, p. 469). Nuria Sanchez-Madrid (2025, p. 38) believes that this argument in Kant's case has to do with the theme of personal pursuit of happiness, the theme of choice at one's discretion and happiness is the result of success

ние, а само счастье — результат успеха на классическом либеральном рынке (Sanchez-Madrid, 2025, p. 38), который, как известно, не дает гарантий, требуя личной активности.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на высокую ценность права в его либеральном смысле, которую провозглашает Гессен, он расходится с Кантом в понимании соотношения свободы и равенства, а также соотношения права и блага. Формулируя принципы реформ, Кант останавливается на равенстве прав. Когда Гессен разбирает тему равенства шансов⁵ на реализацию прав, Кант вполне подпадает под его критику как представитель классического либерализма. Философия Канта не содержит предпосылок для сближения социалистических и либеральных принципов. Модель эволюции социализма Гессен строит на принципах диалектики Гегеля.

3. Общественный договор и общая воля: индивиды и группы

Как уже упоминалось, ключевая проблема для Гессена в его анализе истории идеологий либерализма и социализма — это сочетание свободы и права, за которые ратует либерализм, с равенством, справедливостью и благом, к которым стремится социализм. Когда наступило время расцвета монополий и ухудшилось положение рабочих, представителям либерализма стало ясно, что требуется «гарантия осуществления прав на достойное существование, обеспечения каждому свободы и равенства в

⁵ Формула «равные шансы для каждого» относится к учению нового либерализма (см.: Гессен, 2010д, с. 75); однако для Гессена не менее важно встать частично на сторону нового социализма в вопросе равенства, поэтому, строго говоря, он желает большего, чем равенство шансов, а именно сочетать «право возможностей и право распределения общественного блага», как характеризуют это стремление М.Ю. Загирняк и Н. А. Дмитриева (Загирняк, Дмитриева, 2026, с. 86). Говоря о гильдеизме, Гессен характеризует социализм как «право лица на проявление своей хозяйственной активности, т.е. на свободный труд» (Гессен, 2010д, с. 234).

in the classical liberal market, which of course offers no guarantees and demands personal effort.

The conclusion suggests itself that in spite of the high value of right in its liberal sense which Hessen proclaims, he diverges from Kant on the issue of the relation between freedom and equality as well as the relation between right and good. When Kant formulates principles of reform Kant stops at equality of rights. When Hessen examines the problem of equal chances⁵ to exercise rights, Kant is a legitimate target of his critique as a representative of classical liberalism. Kant's philosophy does not contain prerequisites of a *rapprochement* between the socialist and liberal principles. Hessen's model of the evolution of socialism is based on the principles of Hegel's dialectics.

3. The Social Contract and Common Will: Individuals and Groups

As mentioned above, the key problem for Hessen in his analysis of the history of liberal and socialist ideologies is the combination of freedom and law, championed by liberalism and equality, justice and good championed by socialism. When monopolies began to flourish, and the plight of workers worsened, liberals realised that there needs to be a “guarantee of the exercise of the right to dignified living, freedom for everyone and equality in their new, broader interpretation” (Hessen,

⁵ The formula “equal chances for each” puts the teaching of the new liberalism in a nutshell (see Hessen, 2010d, p. 75); but for Hessen it is no less important to partially take the side of socialism on the issue of equality. Therefore, strictly speaking, he wants more than equality of chances, to wit, to combine “the law of opportunities and the law of distribution of the social good”, according to Zagirnyak and Dmitrieva (2026, p. 86). Speaking about Guild Socialism, Hessen (2010d, p. 234) describes socialism as “a person's right to be economically active, i.e. to free labour”.

их новом, расширенном понимании» (Гессен, 2010д, с. 79). Предпочтительной формой правления для реализации этой гарантии Гессен полагал демократическую республику. Однако свобода в ней — это не прямое участие граждан в государственной власти, как было в древней демократии, и не независимость от этой власти, как считалось в классическом либерализме (Там же). Гарантия свободы и равенства в новой демократии выражается, с одной стороны, в старой формуле: следует привлекать широкие слои народа, заинтересованные в решении задач, к законодательству и управлению через расширение избирательного права (Там же, с. 79). С другой же стороны, новому либерализму приходится считаться с тем, что борьбу между собой ведут *группы* граждан «различного социального веса и значения», которые получают свое выражение в различных союзах экономического и политического характера, и только с группами государство стоит лицом к лицу (Там же, с. 92). Эти союзы-общности, в том числе находящиеся в меньшинстве, выступают «носителями *общих, т.е. объективных* интересов хозяйства и культуры» (Там же, с. 112).

Роль государства Гессен видит в том, «чтобы приобщить все группы, на которые разделено общество, к созданию общей воли»⁶ (Там же, с. 93). Идеиные оппоненты классического либерализма разоблачали общую волю как фикцию, как общность, которая недостижима, поскольку невозможно соглашение между классами с диаметрально противоположными интересами (Там же, с. 90). Гессен с опорой на учение гильдейского социализма строит ступенчатую схему формирования общей воли как процесса осознания сверхличных целей, идей и задач: от индивида к группе (гильдии), от группы к обществу в рамках государства. Основание солидарности группы, по мысли Гессена, отнюдь не механическое, его образуют не только одинаковые интересы: группы «яв-

2010d, p. 79). For Hessen the preferable form of such a guarantee was the democratic republic. However, in it freedom is not direct participation of citizens in state power, as in ancient democracy, nor independence from power, the view taken by classical liberalism (*ibid.*). The guarantee of freedom and equality in the new democracy is manifested, on the one hand, in the old formula: broad social strata interested in the solution of problems should be involved in law-making and governance by extending voting rights (*ibid.*, p. 79). On the other hand, new liberalism has to reckon with the fact that the struggle is waged between *groups* of citizens “of different social weight and significance” which form various economic and political alliances, and the state deals directly only with groups (*ibid.*, p. 92). These alliances and communities, including minorities, are “the bearers of general, i.e. objective, interests of the economy and culture” (*ibid.*, p. 112).

Hessen sees the role of the state in “involving all the groups into which society is divided in creating the common will”⁶ (*ibid.*, p. 93). The opponents of classical liberalism exposed the common will as a fiction, a community that is impossible because there can be no agreement between classes with diametrically opposite interests (*ibid.*, p. 90). Hessen, leaning on the ideas of Guild Socialism, builds a step scheme of the formation of the common will as a process of growing awareness of supra-individual goals, ideas and tasks: from individual to group (guild), from group to society in the framework of the state. Group solidarity, Hessen points out, is not mechanical, it arises not only from similar interests: groups “are bearers of a supra-individual task-idea which unites [...] by

⁶ См. также: (Загирняк, 2020а, с. 83; 2020б).

⁶ See also Zagirnyak (2020a, p. 83; 2020b).

ляются носителями некоторой сверхличной задачи-идеи, которая объединяет входящих в них лиц... общностью служения одной и той же объективной задаче, общностью выполнения одной и той же общественной функции» (Там же, с. 103). В продолжение этой мысли Гессен цитирует Анри (Хендрика) де Мана: «Солидарность в смысле общего классового интереса возникает в собрании, а не у станка на фабрике» и укрепляется через сознание общности социально-этической цели, через новое правовое чувство (Там же, с. 378).

Однако либерализм оказался неспособным принять именно этот объединяющий потенциал групповых задач для самосознания общественных групп и союзов, и в этом, по оценке Гессена, состоит ограниченность либерализма, даже в новых его формах. Из-за этого либерализм по-прежнему воспринимает личность как абсолютно автономную, вне солидарности, и такое «механическое воззрение на общество» является заблуждением, как заявляет Гессен, поддерживая мнение Л. Дюги и некоторых других критиков либерализма (Там же, с. 100).

Гессен подчеркивает, что гильдеизм допускает многообразие форм воплощения, которые со временем будут меняться (Там же, с. 228–230), и тем не менее он считает его уже первой формой правового социализма (Там же, с. 341). Контурами этого порядка оказываются «промышленная демократия» (Там же, с. 230), а точнее, формирование «автономных, не зависимых от государства союзов производителей, самоуправляющихся согласно своему собственному праву» (Там же, с. 237). Подобные гильдиям корпорации — это органические союзы. Государство при этом мыслится как координатор, чья роль состоит в том, чтобы регулировать и согласовывать союзные и общегосударственные отношения и правовые нормы⁷. Лично-

shared commitment to one and the same objective task, common performance of one and the same social function” (*ibid.*, p. 103). To bolster his argument, Hessen quotes Henri (Hendrik) de Man: “Solidarity in the sense of common class interest arises in a meeting and not in front of a machine tool at a factory” and is strengthened by the consciousness of a common socio-ethical goal, a new legal awareness” (*ibid.*, p. 378).

However, liberalism failed to take advantage of this particular unifying potential of group tasks for the self-consciousness of social groups and alliances, which, Hessen argues, shows the limitations of liberalism, even in its new forms. That is why liberalism still perceives the individual as absolutely autonomous, outside solidarity. This “mechanical view of society” is a delusion — this is what Hessen claims, supporting the views of Léon Duguit and some other critics of liberalism (*ibid.*, p. 100).

Hessen stresses that Guild Socialism may take various forms and may change over time (*ibid.*, pp. 228-230), and yet he considers it to be an early form of rule-of-law socialism (*ibid.*, p. 341). The outlines of this order are seen in “industrial democracy”, or rather, the formation of “autonomous unions of producers independent from the state, self-governing according to their own laws” (*ibid.*, p. 230, *cf.* p. 237). Guild-like corporations are organic unions. The state is a coordinator whose role consists in regulating and coordinating the relations between the unions and the state and legal norms.⁷ Individuals identify themselves not as representatives of society as a whole, but as members of “socio-cultural communities”. This is how Mikhail Zagirnyak (2020a, p. 85)

⁷ Идея социального права у Гессена предполагает, как указывает М. Ю. Загирняк, что «индивид может состоять одновременно во многих социальных общностях, чтобы максимально реализовать собственную свободу» (Загирняк, 2019, с. 125).

⁷ Hessen’s view of social law assumes that “the individual may simultaneously be a member of many social communities in order to exercise his freedom to the maximum” (see Zagirnyak, 2019, p. 125).

сти идентифицируют себя не как представители всего общества в целом, а как участники «социокультурных множеств» — так обобщает рассуждения Гессена М. Ю. Загирняк, добавляя, что это важно для преобразования различных моделей правопорядка (возникающих в этих множествах) в социальное единство⁸ (Загирняк, 2020а, с. 85; см.: Гессен, 2010д, с. 111, 230).

В соответствии с новой ролью союзов в государстве следует дополнить классическое законодательное общегражданское и партийное представительство отраслевым представительством⁹. В частности, следуя за Л. Дюги, Гессен видит решение этой задачи в двухпалатной системе парламента, в котором сочетаются палаты на основе «личного» и на основе «реального», или «функционального», представительства, поскольку единый парламент в целом оказывается во многих вопросах недостаточно компетентен (Власкин, Ермичев, 2004, с. 46; см.: Гессен, 2010д, с. 244). Это уже значительная трансформация классической идеи республики, сторонником которой был и Кант.

Для Гессена важны все те основы положения гражданина, которые выделяет Кант: свобода, равенство, самостоятельность (АА 08, S. 290; Кант, 2024в, с. 131). Однако у Гессена на первом месте стоят свобода и равенство, причем равен-

⁸ Что касается социального единения, то для него недостаточно одной солидарности, в дополнение к ней Гессен предлагал использовать понятие интеграции (см.: Загирняк, 2020а, с. 90).

⁹ А. Г. Власкин и А. А. Ермичев полагают, что Гессен выступает за замену классического разделения властей функционально-отраслевым разделением, в котором «экономические институты получают широкую автономию от государства и начинают теснить представительную демократию» (Власкин, Ермичев, 2004, с. 46). На мой взгляд, такая трактовка довольно радикальна и идея Гессена касается только законодательной власти. Однако подобные вопросы о границах гильдеизма вполне обоснованны. Союзы образуют «множество друг на друга накладывающихся и взаимно ограниченных социальных правопорядков» — так характеризует эту идею П. Г. Щедровицкий (Щедровицкий, 2024, с. 330). «Плюрализмом правопорядков» называет эту идею А. Валицкий (Валицкий, 2012, с. 524).

sums up Hessen's argument, adding that this is important for transforming various models of order (arising in these communities) into social unity⁸ (cf. Hessen, 2010d, pp. 111, 230).

In view of the new role of the unions within the state the classical civil legislation and party representation should be complemented by sectoral representation.⁹ Thus, following Duguit, Hessen sees a solution to this problem in the bicameral parliament in which the chambers are elected on a mixed "personal" and "real" or "functional" representation basis, while the united parliament is often not competent enough on many issues (Vlaskin and Ermichev, 2004, p. 46; cf. Hessen, 2010d, p. 244). This is a significant transformation of the classical idea of the republic which Kant supported.

Hessen agrees with the fundamental principles of civil rights singled out by Kant: freedom, equality, independence (*TP*, AA 08, p. 290; Kant, 1991, p. 74). But he puts first freedom and equality, equality of chances and not only rights; solidarity trails the first two. Independence, with Kant, first has a touch of meritocracy, which undermines equality, because of limited voting rights (*TP*, AA 08, pp. 291-292; Kant, 1991, p. 75). Second, according to Kant, independence includes

⁸ As for social unity, solidarity alone is not sufficient for it, so that Hessen proposed to complement it with the concept of integration (see Zagirnyak, 2020a, p. 90).

⁹ Andrey G. Vlaskin and Aleksandr A. Ermichev (2004 p. 47) believe that Hessen wants to see the classical separation of powers replaced by functional-sectoral division in which "economic institutions gain broad autonomy from the state and begin to make inroads on representative democracy". I think his interpretation goes a bit too far because Hessen has in mind only the legislative branch. That said, such questions about the limits of Guild Socialism are justified. Unions form "a multitude of social legal orders that criss-cross and mutually limit one another". This is Shchedrovitsky's assessment of the idea (Shchedrovitsky, 2024, p. 330). Walicki (1987, p. 436) calls it "the plurality of legal orders".

ство не только прав, но и шансов; за ними следует солидарность. Самостоятельность у Канта, во-первых, сохраняет некоторый налет меритократии, который подрывает равенство ввиду ограничений в избирательном праве (АА 08, S. 291–292; Кант, 2024в, с. 132–133). Во-вторых, самостоятельность включает, по Канту, «самозаконотворчество» как такое суждение индивидуального разума, в котором проявляется общечеловеческое единство разума. В этом аспекте кантовская идея самостоятельности коренится в идее Руссо об общей воле как голосе совести. Гессен отмечает этот момент преемственности между Руссо и Кантом в трактате «Основы педагогики» (Гессен, 1995, с. 70–71), высоко оценивая идею свободы как автономии, имеющуюся и у Руссо, и у Канта. Но сам Гессен не принимает ни ту, ни другую трактовку. Для него суть законодательства не столько в индивидуальной автономии, сколько в реализации групповой задачи-идеи и групповых интересов. В этом смысле в сравнении с Кантом у Гессена на место самостоятельности встает солидарность, точнее, она становится необходимой надстройкой над индивидуальным выбором при формировании голоса законодателя.

Гессен отводит государству роль арбитра, придающего борьбе классов правовую форму, и в этом он видит одновременно и «резкий отход нового либерализма от классического, и верность его основному мотиву последнего» (Гессен, 2010д, с. 93). Таким образом, парламент должен выступать инструментом достижения «равновесия классовых сил», но не «орудием... классового господства» (Там же, с. 316). В этом равновесии должна формироваться общая воля на пути «постепенных преобразований и реформы отдельных уже существующих учреждений» (Там же, с. 72, см. также с. 90).

Гессен полагает, что классический и новый либерализм объединяет понимание того, что общая воля — это не готовая данность при фор-

“self-legislation,” the judgment of individual reason in which the general human unity of reason is manifested. From that point of view the Kantian idea of independence has its roots in Rousseau’s idea of common will as the voice of conscience. Hessen notes this instance of continuity between Rousseau and Kant in his treatise on *Fundamentals of Pedagogy* as a judgment of individual reason (Hessen, 1995, pp. 70-71), praising the idea of freedom as autonomy which is found both in Rousseau and in Kant. Hessen accepts neither of the two interpretations. For him the essence of legislation is not so much individual autonomy as the implementation of the group task-idea and group interests. Unlike Kant, Hessen puts solidarity in place of independence, or rather, solidarity becomes a necessary superstructure on top of individual choice in forming the legislator’s vote.

Hessen (2010d, p. 93) assigns to the state the role of arbiter which gives legal form to the struggle between social classes, seeing this at once as “an abrupt turn of the new liberalism away from the classical variety and adherence to the latter’s leitmotif”. Thus, parliament must be an instrument of “balancing class forces” but not “a weapon of class dominance” (*ibid.*, p. 316). This balance should form the common will through “gradual transformations and reform of some existing institutions” (*ibid.*, pp. 72, 90).

Hessen notes that classical and new liberalisms share the view that common will is not a given in the forming of the parliament, but neither is it a fiction, being “an assignment of political action” as well as a “regulator, or method of ruling” (*ibid.*, p. 90). Common will is not a fact but a *process*; it is formed in search of a compromise between the interests of social groups (*ibid.*, pp. 90-91).

мировании парламента, но и не фикция, а «здание политического действия», а также «регулятив, или метод властвования» (Там же, с. 90). Общая воля — это не факт, но *процесс*; она формируется в поиске компромисса между интересами общественных групп (Там же, с. 90–91).

Кант не разрабатывал тему групповых интересов в связи с темой общей воли¹⁰. Он подчеркивал, что «общая воля» не равна «воле всех»¹¹ и что «объединение всех отдельных и частных волей в народе в одну общую волю» — это первоначальный договор, который по сути является идеей разума для суждения законодателя (AA 08, S. 297; Кант, 2024в, с. 139). Когда Гессен обсуждает идею общей воли, он ссылается на Руссо, поскольку тот был пионером в формулировке идеи совпадения общей воли «с естественными правами гражданина» (Гессен, 2010д, с. 90, примеч.). Гессен опирается на трактовку Г. Д. Гурвича, когда приводит тезис о том, что «господство общей воли было для него [Руссо], в сущности, не чем иным, как “суверенитетом права”» (Там же, с. 106, примеч.). Кантовскую рецепцию концепции общей воли Руссо Гессен тоже отмечает, но в специфическом этическом контексте (Гессен, 2010а, с. 718).

Таким образом, концепция республики у Канта и Гессена имеет существенные отличия. Еще сильнее отличаются «солидарность» Гессена и «самостоятельность» граждан у Канта. Истоком понятия общей воли у Гессена служит прежде всего философия Руссо, хотя общий смысл и процессуальный аспект идеи общей воли у Канта и Гессена близки.

¹⁰ В «Споре факультетов» есть страницы, на которых Кант рассуждает об интересах разных сословий: духовенства, дворянства, а кроме того, высшего чиновничества, врачей, юристов и философов (как представителей философского факультета), то есть групп, у которых есть, можно сказать, корпоративные интересы (см.: Зильбер, 2016, с. 41) или по крайней мере определенные общие устремления. Но Кант рассуждает об этом в связи с вопросом о свободе слова, научной критике и равенстве статуса факультетов университета (AA 07, S. 18–23; Кант, 2024г, с. 260–265).

¹¹ Кант не акцентировал эту тему, и Гессен пишет о ней со ссылкой именно на Руссо.

Kant did not work on the theme of group interests in connection with the theme of common will.¹⁰ He stressed that “common will” is not the same as “will of all”,¹¹ and that “a coalition of the wills of all private individuals in a nation to form a common, public will” is the original contract which is essentially ideas of reason to be judged by the law-maker (TP, AA 08, p. 297; Kant, 1991, p. 79). When Hessen discusses the idea of the common will he cites Rousseau because the latter was a trail-blazer in forming the idea that common will coincided with “the natural rights of the citizen” (Hessen, 2010d, p. 90). Hessen leans on the interpretation of Gurvitch, citing the thesis that “the dominance of the common will for Rousseau is essentially “the sovereignty of the right” (*ibid.*, p. 106). Hessen (2010a, p. 718), too, notes Kant’s reception of Rousseau’s concept of the common will, but he does so in a specifically ethical context.

Thus, there are essential differences in the way Kant and Hessen interpret the concept of the republic. Hessen’s “solidarity” and Kant’s “independence” of citizens stand still further apart. Hessen borrowed the concept of the common will primarily from Rousseau, even though Kant and Hessen have similar perceptions of the general meaning and the processual character of the idea of common will.

¹⁰ In *Dispute of Faculties* there are pages in which Kant reflects on the interests of various social estates: the clergy, the nobility and also top bureaucrats, doctors, lawyers and philosophers (as representatives of the philosophical faculty), i.e. groups which can be said to have corporate interests (see Zilber, 2016, p. 41) or at least certain common wishes. But Kant’s reflections are connected with the question of freedom of expression, academic criticism and equality of the status of university faculties (SF, AA 07, pp. 18–23; Kant, 1996b, pp. 247–251).

¹¹ Kant did not labour this theme, and Hessen writes about it citing Rousseau.

4. Философия хозяйства и принципы собственности

Согласно Гессену, хозяйственная миссия правового социализма состоит в противодействии монополистам ради сохранения честной конкуренции, а также в устранении крайних форм социального неравенства. К этому уже пришел новый либерализм: например, концепция «государства народного бюджета» Д. Ллойд-Джорджа предусматривала строительство социальных объектов и жилья для рабочих, установление гуманных условий труда, — одним словом, помощь нуждающимся. Таким образом, хотя и в пределах «известной черты», либерализм уже вмешивается во все сферы культурной жизни, и Гессен положительно оценивает подобную деятельность государства как минимум в социальной сфере (Там же, с. 86). Одновременно с этим он утверждает, что требуется большее, чем «помощь слабому»: изменение основ отношений собственности. При негативном понимании свободы в классическом либерализме для функционирования хозяйства достаточно было, чтобы собственником вещи стал тот, кто «в состоянии проявить максимум производительных сил, в данной вещи сокрытых» (Там же, с. 85). Но при монополизации вещь, по сути, изымается из конкуренции, «перестает быть максимально-производительной» (Там же), здесь частный интерес противоречит общему благу, и собственник обретает одностороннее господство над другими лицами, которые при этом теряют личную автономию (Там же, с. 77).

В классическом либерализме частная и общественная собственность противопоставлялись ввиду механического понимания общества как конкуренции по поводу частной собственности. Новый либерализм, по оценке Гессена, не смог освободиться «от следов механической концепции общества своего предшественника» в полной мере, поэтому признает в собственности только индивидуальный ее

4. Philosophy of Economy and the Principles of Property

Hessen (2010d, p. 85) maintained that the economic mission of rule-of-law socialism was to counteract monopolists in order to preserve honest competition and to eliminate extreme forms of social inequality. The new liberalism had already realised that: for example, the concept of “the people’s budget” put forward by David Lloyd George envisaged the building of social facilities and housing for the workers, provision of humane labour conditions, in short, assistance to the needy. Thus, “up to a point” liberalism was already interfering in all the spheres of cultural life, and Hessen gives a positive account of the state’s activity, at least in the social sphere (*ibid.*, p. 86). At the same time he claims that more needs to be done than “helping the weak”: what is needed is a change of property relations. According to the negative freedom interpretation in classical liberalism it is enough if the owner is “capable of extracting the maximum productive forces a thing can yield” (*ibid.*). But monopolisation effectively withdraws the thing from competition, the thing ceasing to yield maximum productivity (*ibid.*). Here the private interest contradicts the common good and the owner gains one-sided dominance over other people who lose their personal autonomy in the process (*ibid.*, p. 77).

In classical liberalism private and public property were seen as opposites owing to the mechanical view of society as competition over private property. The new liberalism, Hessen argues, failed to fully get rid “of the vestiges of the mechanical conception of society by its predecessor”, which is why it sees only the individual meaning of property (*ibid.*, p. 101). And this at a time when property, “remaining private is increasingly socialised, i.e. becomes

смысл (Там же, с. 101). И это в то время, как собственность, «оставаясь частной, все более и более социализуется, т.е. становится функцией хозяйственной жизни общества в целом» (Там же, с. 98). Хотя «собственность оправдана лишь как поприще личной свободы» (Там же, с. 77), обеспечение этой функции требует, по словам Гессена, ее правовой социализации (Там же, с. 102; см. также: Куликов, 2020, с. 112–113). Переход собственности к «коллективным личностям» (Гессен, 2010д, с. 102) не означает для Гессена ее огосударствления, поскольку заменить власть капиталистов на власть бюрократов — не лучшее решение (Там же, с. 229).

Кант выражает свои идеи по поводу принципов собственности в двух основных контекстах. Первый — это базовые принципы права на владение вещью и в особенности землей, что важно и для частных лиц, и для государств. На законодательном уровне решение вопросов собственности определяется общим принципом права, правовым постулатом практического разума и идеей общей воли. При этом, как поясняет К. Лангер, законодатель отказывается от критериев материальной справедливости в пользу идеи автономного баланса интересов вовлеченных сторон (Langer, 1986, S. 191). Второй контекст — это более частный (и подчиненный первому) вопрос о собственности, полученной по сословным привилегиям.

В кантовской концепции гражданского союза верховным собственником земли является суверен, согласно идее объединения частной собственности «под властью публичного всеобщего владельца» (AA 06, S. 323; Кант, 2014, с. 339). Главная функция этой идеи — распределить собственность не через агрегацию (эмпирический переход от частей к целому), а на основе «необходимого формального принципа *распределения*» (Ibid.; Там же). Это означает, что все доли не складываются, а как бы сливаются в общее целое, из которого затем каждый собственник получает свою долю. Вследствие

a function of the economic life of the whole society” (*ibid.*, p. 98). Although “property is justified only as the domain of personal freedom” (*ibid.*, p. 77), the performance of this function requires, according to Hessen, its legal socialisation (*ibid.*, p. 102; see also Kulikov, 2020, pp. 112-113). Transfer of ownership to “collective persons” (Hessen, 2010d, p. 102) does not mean nationalisation of property because replacing the power of capitalists by the power of bureaucrats is not the best of solutions (*ibid.*, p. 229).

There are two main contexts in which Kant sets forth his views on the principles of property. The first is the basic principles of the right to own a thing, especially land, which is important both for private individuals and for states. On the legislative level property issues are governed by the general principle of law, the legal postulates of practical reason and the idea of the common will. In this case, as Langer (1986, p. 191) explains, the legislator casts aside the criteria of material justice in favour of autonomous balance of the interests of the parties involved. The second context is more specific (and subordinate to the first), it is the question of property acquired as social privilege.

In the Kantian concept of the civil union the supreme owner of land is the sovereign in accordance with the idea of bringing private property “under a general public possessor” (MS RL, AA 06, p. 323; Kant, 1996c, p. 466). The main function of this idea is to distribute property not through aggregation (empirical transfer of parts to the whole), but on the basis of “the necessary formal principle of *division*” (*ibid.*). This means that all the shares are not added up, but merge, as it were, in a single whole from which every owner receives a share. Owing to this, state power which embodies the common will has the right to

этого государственная власть, воплощающая общую волю, вправе аннулировать права на владение, которое посчитает неправомерным, даже если оно возникло в результате первоначального приобретения. При этом у верховного распорядителя нет ничего своего для частного, то есть личного владения, но он повелевает народом, позволяя каждому распоряжаться своим (AA 06, S. 324; Кант, 2014, с. 341). В соответствии с этим принципом Кант утверждает, что передача земли корпорацией или сословием «последующим поколениям... в исключительное пользование» неправомерна; и такое пользование может быть отменено с выплатой возмещения (Ibid.; Там же). Сословные привилегии составляют пережиток феодализма и должны быть постепенно отменены. Это относится к собственности рыцарей-дворян и церкви (духовенства). Разъясняя этот вопрос, Кант ссылается на «общественное мнение» (AA 06, S. 325; Кант, 2014, с. 343). Прежде особое положение дворянства и духовенства одобрялось ввиду их особых заслуг перед обществом (государством и народом). В условиях, когда общественное мнение изменилось, следует провести реформу по отмене привилегий. К. Лангер поясняет, что под «общественным мнением» Кант в учении о публичном праве подразумевает волю народа, то есть общую волю (Langer, 1986, S. 174).

Собственно, уже и общественное мнение Средних веков, которое было согласно с привилегиями дворянства и духовенства, Лангер объявляет «ошибочным» (Ibid., S. 175). Однако Кант предостерегал: чрезмерная поспешность в реформах опасна, она может привести к разрушению государственного организма (AA 08, S. 373; Кант, 2024б, с. 195). Для тех случаев, когда есть отношения владения, противоречащие базовым принципам права, но имеющие долгую историю честного (для своего времени) приобретения, не обязательно и не нужно прекращать или менять все разом и немедленно (AA 08, S. 348; Кант, 2024б, с. 165, примеч.).

annul the ownership rights which it deems to be illegitimate, even if the right arose through initial purchase. The supreme commander has nothing in private, i.e. personal possession, but he rules the whole people, allowing each to dispose of what he owns (MS RL, AA 06, p. 324; Kant, 1996c, p. 466). In accordance with this principle Kant maintains that the transfer of land by a corporation or a social estate “to succeeding generations for their exclusive use” is illegitimate and such use may be cancelled with the payment of compensation (MS RL, AA 06, p. 324; Kant, 1996c, p. 467). Estate privileges are hangovers of feudalism and should be phased out. This applies to the property of noble knights and the church (clergy). Explaining this issue, Kant invokes “public opinion” (MS RL, AA 06, p. 325; Kant, 1996c, p. 467). Formerly, the special status of the nobility and the clergy was approved because of their special services to society (the state and the people). Now that public opinion has changed, privileges should be abolished. Langer (1986, p. 174) explains that by “public opinion” Kant in his teaching on public law means the will of the people, i.e. the common will.

Indeed, Langer declares “erroneous”, even Medieval, public opinion which agreed with the privileges of the nobility and the clergy (ibid., p. 175). However, Kant warned that premature reform was dangerous because it could lead to the collapse of the state organism (ZeF, AA 08, p. 373; Kant, 1996d, p. 341). In the case where relations of possession contradict the basic principles of law, but have a long history of acquisition (honest for its time), there is no need to terminate everything at once (ZeF, AA 08, p. 348n; Kant, 1996d, p. 321n). In such cases compliance with the principles of law can be postponed, pending the time when the change can happen without adverse

В таких случаях исполнение принципов права можно отсрочить до времени, когда перемена возможна без пагубных последствий. Однако важно, чтобы соответствующее мнение сложилось прежде всего у просвещенной общности, то есть у тех, кто по должности и компетентности способен возглавить процесс реформ и просвещения народа. Кант формулирует в связи с этим концепцию «дозволяющих законов», которая применима к собственности и государств, и людей: любой правовой порядок должен быть открыт для совершенствования, для дальнейшего продвижения к правовому идеалу легальными средствами (AA 08, S. 347; Кант, 2024б, с. 165; AA 06, S. 369; Кант, 2014, с. 467).

Кант в своих понятийных и мировоззренческих рамках едва ли мог прийти к идее, которую в полной мере разворачивает Гессен, — идее государственного регулирования собственности предпринимателей, или хозяйствующих субъектов, направленного на сохранение личной автономии и предотвращение рабской зависимости граждан как наемных работников. Эту идею Гессен формулирует с учетом тенденций развития капиталистической экономики. Он не указывает, какая собственность должна остаться вне сферы допустимого и необходимого антимонопольного регулирования, — это значит, что в принципе и при необходимости оно распространяется на всю собственность на средства производства и оказания услуг. Кроме того, Гессен поддерживает идею Ллойд-Джорджа о том, что создание и обслуживание объектов социального обеспечения — это миссия государства. У Канта предметом рассмотрения были базовые принципы регулирования отношений собственности, опираясь на которые он эксплицитно сформулировал указания по их применению в вопросе о собственности привилегированных сословий. Можно было бы остановиться на этом, предположив, что далее этого вопроса Кант идти не намерен и что Гессен посчитал бы указания Канта весьма ограни-

consequences. However, it is important that such an opinion is adopted first and foremost by the educated public, i.e. those whose status and competence equip them to lead the process of reform and enlightenment of the people. Kant formulates the concept of “permissive laws” applicable to property of the state and individuals alike: any legal order should be open to improvement, further advancement toward the legal ideal by legal means (ZeF, AA 08, p. 347; Kant, 1996d, p. 321; cf. MS RL, AA 06, p. 369; Kant, 1996c, p. 503).

In his conceptual and worldview frame of reference Kant could hardly have arrived at the idea which Hessen unfolds to the full, i.e. the idea of state regulation of the property of entrepreneurs, or economic entities aimed at safeguarding personal autonomy and preventing hired workers being treated as slaves. Hessen frames his idea taking due account of the trends in the development of the capitalist economy. He does not specify what kind of property should be exempt from allowable and necessary anti-monopoly regulation, which means that in principle and if necessary it applies to all ownership of means of production and services. Hessen supports Lloyd George’s idea that the creation and maintenance of social security facilities is the mission of the state. Kant focused on the basic principles of regulating property relations, proceeding from which he formulated directions of how they should be applied to the property of the privileged estates. One might stop there, assuming that Kant did not intend to go beyond this issue and that Hessen would have found Kant’s recommendations rather limited and remote from the principles of socialism, like his suggestions concerning measures to stimulate economic activity. I will discuss the possibilities of a broader interpretation of these principles in the final section.

ченными, далекими от принципов социализма, как и его предложения относительно мер стимулирования хозяйственной деятельности. К возможностям более широкой интерпретации этих принципов я вернусь в заключительном разделе.

Заключение

Проведенное сравнение показывает, что политический проект Гессена — правовой социализм — при детальном рассмотрении содержит, пожалуй, больше различий с идеями Канта, нежели сходств. Взгляды Канта и Гессена на историю культуры как прогресс схожи, но не связаны напрямую. Оба философа ценят право, но расходятся в балансе свободы / равенства и права / блага; понятие «солидарность» у Гессена контрастирует с кантовским понятием «самостоятельность». Общая воля — идеал для обоих философов, но Кант видит ее в принятии законов парламентом как собранием равных индивидов, а Гессен — в солидарности, сформированной от уровня общественных групп к уровню народа в целом. Кант требует равенства прав, Гессен — равенства шансов, обосновывая необходимость антимонопольного регулирования собственности ради сохранения автономии граждан.

Термин «либерализм» в ходе моего исследования встречается чаще, чем «социализм», поскольку фокус внимания был направлен преимущественно на трансформацию либерализма. Это обусловлено тем, что предметом сравнения были выбраны именно идеи Канта, который принадлежит к либеральной традиции политической мысли, далекой от социализма. Гессен, в свою очередь, несмотря на современные ему социалистические интерпретации кантовских идей в неокантианстве, составившие течение так называемого этического социализма, не обращался к этим интерпретациям. Кроме того, в журнальной версии цикл статей Гессена «Проблема правового социализ-

Conclusion

The foregoing comparison shows that Hessen's political project of rule-of-law socialism has more differences in Kant's ideas than similarities. Kant and Hessen's views on the history of culture as progress are similar, but not directly connected. Both philosophers value law, but differ on the balance of freedom/equality and right/good; Hessen's concept of "solidarity" contrasts with the Kantian concept of "independence". Common will is the ideal for both philosophers, but Kant sees it as the passing of laws by parliament as a gathering of equal individuals and Hessen as solidarity formed from the level of social groups to the level of the people of the state. Kant demands equality of rights, Hessen equality of chances, justifying the need for anti-monopoly regulation of property in order to preserve the autonomy of citizens.

In my study I use the term "liberalism" more frequently than the term "socialism" because I focus on the transformation of liberalism. This is because I have chosen as the subject of comparison the ideas of Kant who belongs to the liberal tradition of political thought, which is remote from socialism. For his part Hessen in spite of the socialist interpretations of Kantian ideas in his time in Neo-Kantianism, which formed a trend of ethical socialism, ignored these interpretations. Besides, the journal version of Hessen's articles "The Problem of Rule-of-Law Socialism" is subtitled "Evolution of Liberalism" although in the treatise, *Rule-of-Law State and Socialism*, the texts devoted to these ideologies are of approximately equal length.

As regards the desirable and allowable limits of interference in property matters in carrying out reforms, this is precisely the

ма» имеет подзаголовок «Эволюция либерализма», хотя в трактате «Правовое государство и социализм» тексты, посвященные этим идеологиям, приблизительно равны по объему.

Что же касается желательных и допустимых рамок вмешательства в отношения собственности при проведении реформ, то это как раз та проблема, которая обозначает границу между либерализмом и социализмом. У Гессена принципы регулирования отношений собственности — антимонопольные; в этом плане опорой для его выводов служит развитие передовых стран мира, хотя внимание он на этом не акцентирует. У Канта принципы регулирования собственности — антифеодалы, и выглядят они более сдержанно.

Как объясняет П. Гайер, теоретически государственное регулирование собственности, согласно кантовским принципам, не ограничивается преодолением принципов феодализма, которое было для Канта актуальным примером. Подобное регулирование вполне возможно и в других условиях, когда возникает дисбаланс в отношениях владения и занятия должностей. Дело в том, что отношение собственности, по Канту, — это отношение не между человеком и объектом, но между волями людей: другие уважают мою волю использовать некий объект и делают это свободно, без принуждения (Guyer, 2000, p. 248, 250). Ожидать свободного согласия можно только при условии минимальной взаимности или равенства в признании притязаний друг друга (Ibid., p. 256). Это не столько эмпирическое, сколько рациональное условие: законность притязаний на собственность зависит от рационального желания других разумных существ, и «воля других людей должна быть согласована априори... то есть посредством идеи единой воли», как писал сам Кант (AA 23, S. 308—309). Владение собственностью должно соответствовать разумным принципам, которые могли бы быть приняты всеми гражданами, или общей волей,

problem that marks the boundary between liberalism and socialism. Hessen's principles of regulating property relations have an anti-monopoly thrust, his conclusions based on the development of the world's advanced countries, although he does not stress this fact. Kant's principles of property regulation are anti-feudal and more reserved.

Paul Guyer explains that theoretically state regulation of property according to Kant's principles is not confined to overcoming the principles of feudalism, which was a relevant example for Kant. Such regulation is possible in other conditions as well whenever an imbalance with regard to ownership and tenure of official positions arises. The point is that for Kant the relation of property is a relation not between man and object, but between human wills: others respect my will to use an object and do so freely, without coercion (Guyer, 2000, pp. 248, 250). Free agreement calls for a reciprocity or equality of mutual claims (*ibid.*, p. 256). This is not so much an empirical as a rational condition: the legitimacy of claims to property hinges on the rational wish of other intelligent creatures and "the will of others must agree *a priori* [...] i.e., through the idea of the united will" as Kant himself wrote (VARL, AA 23, pp. 308-309; cited after Guyer, 2000, pp. 250-251). Property ownership should comply with reasonable principles all citizens, or the common will could accept, in line with the Kantian interpretation of the social contract. Any wealth can be used on condition that others would find it reasonable to agree to (Guyer, 2000, p. 258), and "the possibility of the rational consent of all to the distribution of property is a necessary condition of the existence of property at all" (*ibid.*). For the state it means "the duty to provide a certain level of opportunity to acquire property or equivalent means of support for the existence" (*ibid.*).

согласно кантовскому пониманию общественного договора. Любым богатством можно пользоваться «при таких условиях, при которых для других было бы разумно согласиться на это» (Guyer, 2000, p. 258), и возможность разумного согласия всех на распределение собственности «является необходимым условием существования собственности вообще» (Ibid.). Все это означает для государства обязанность предоставлять «определенный уровень возможностей для приобретения собственности или эквивалентных средств к существованию» (Ibid.).

Такая трактовка выглядит смелой; по сути же она объясняет применимость кантовских принципов к любым историческим условиям, а не только к эпохе классического либерализма. Эта трактовка всецело соответствует кантовскому обоснованию принципов владения, но по-прежнему вовсе не ведет к социализму, и в основе ее лежит либеральное представление о врожденном праве на свободу. С учетом этих базовых принципов наше понимание кантовского представления о последовательных реформах становится более полным, и у нас есть все основания признать, что оно ориентировано не только на краткосрочную, но и на длительную перспективу, причем не только в политико-правовом, но и в хозяйственно-правовом аспекте. Иными словами, если следовать объяснению Гайера, то принципы Канта можно считать более близкими к представлениям Гессена о регулировании хозяйственной жизни, но это по-прежнему не означает прямой преемственности в их идеях.

Насколько велико отличие «правового социализма» от идей Канта в аспекте «равенства шансов» — вопрос непростой. У Канта встречается значимый тезис с критикой «материального» принципа как стремления к «физическому благу» в политической стратегии. Это связано с тем, что аргументы о «счастье» народа и государства — инструмент патернализма и стратегии преследования политического могуще-

This seems to be a bold statement. Essentially, it claims that Kantian principles can be applied to any historical conditions and not only to the epoch of classical liberalism. This interpretation fully corresponds to the Kantian account of the principles of possession, but still does not lead to socialism, since it is underpinned by the liberal idea of inherent right to freedom. These bedrock principles enlarge our understanding of Kant's idea of consistent reforms and gives us ample ground for claiming that it is oriented not only toward the short-term but also to the long-term perspective, and not only in the political-legal, but also in the economic-legal respect. In other words, if we follow Guyer's explanation, Kant's principles draw closer to Hessen's idea of economic life regulation, but still it does not indicate direct continuity between their ideas.

How great is the difference of "rule-of-law socialism" from Kant's ideas of "equal chances" is not an easy question. Kant has a noteworthy thesis criticising the "material" principle of the quest of the "physical good" in political strategy. This is prompted by the fact that arguments about the "happiness" of the people and the state tend to be used as an instrument of paternalism and a strategy in pursuit of political power. Kant is invariably critical of such goals, criticism of eudemonism running through all his reasoning (addressed primarily to those who make decisions or are involved in this process or influence their implementation). Kant's advice is: rather than pursue happiness as a material good suffer some deprivation on the path toward virtue, and then in the end this path will lead to prosperity, although the path will be longer (Z_eF, AA 08, pp. 378-379; Kant, 1996d, p. 345). For Hessen paternalism is unacceptable because it violates the moral autonomy of the individual. In that sense Hessen's socialism is indeed "rule-of-law

ства. Такие цели в философии Канта — объект постоянной критики, поэтому критика эвдемонизма стала сквозной темой в его рассуждениях (адресованных в первую очередь тем, кто сам принимает решения, участвует в процессе их принятия либо оказывает влияние на их исполнение). Кант советует предпочесть скорейшей погоне за счастьем как материальным благом некоторые лишения на пути добродетели, и тогда этот путь в итоге приведет к процветанию, хотя будет более долгим (АА 08, S. 378–379; Кант, 2024б, 201–202). Для Гессена патернализм неприемлем, поскольку нарушает моральную автономию личности. В этом плане социализм Гессена именно «правовой» и близкий к принципам либерализма; тем более что концепция свободы личности — один из пунктов прямой рецепции идей Канта у Гессена, позволяющий с большей определенностью проследить эволюцию взглядов Гессена «от неокантианства к кантианству».

Статья подготовлена в рамках реализации проекта БФУ им. И. Канта «Над разломом: Россия и западный мир в русской философии».

Список литературы

Белов В. Н. «Неакадемический» неокантианец С. И. Гессен // Сергей Иосифович Гессен / под ред. В. В. Сапова, Т. Г. Щедриной. М. : РОССПЭН, 2020. С. 89–103.

Валицкий А. Философия права русского либерализма. М. : Мысль, 2012.

Валицкий А. Сергей Гессен: философ в изгнании // Сергей Иосифович Гессен / под ред. В. В. Сапова, Т. Г. Щедриной. М. : РОССПЭН, 2020. С. 10–32.

Власкин А. Г., Ермичев А. А. Политическая философия С. И. Гессена // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 6, вып. 2. С. 42–48.

Гессен С. И. Основы педагогики: Введение в прикладную философию. М. : Школа-пресс, 1995.

Гессен С. И. Лев Толстой как мыслитель // Избр. М. : РОССПЭН, 2010а. С. 711–739.

Гессен С. И. Мистика и метафизика // Избр. М. : РОССПЭН, 2010б. С. 409–443.

socialism” close to the principles of liberalism; all the more so since the concept of individual freedom is an instance of Hessen directly borrowing from Kant. This makes it possible to trace the evolution of Hessen’s views “from Neo-Kantianism to Kantianism” with greater certainty.

The article was prepared as a part of the IKBFU project “Above the Rift: Russia and the Western World in Russian Philosophy”.

References

Belov, V. N., 2020. “Non-academic” Neo-Kantian S. I. Hessen. In: V. V. Sapov and T. G. Shchedrina, eds. 2020. *Sergey Iosifovich Gessen [Sergey I. Hessen]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 89-103. (In Rus.)

Dierksmeier, C., 2009. Zur systematischen Liberalität von Kants Politik- und Staatsbegriff. In: H. Ottmann, ed. 2009. *Kants Lehre von Staat und Frieden*. Baden-Baden: Nomos, pp. 42-63.

Dmitrieva, N. A., 2025. Kant in Russia: Themes, Problems, Lacunas. *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 18(2), pp. 53-62. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-2-53-62>. (In Rus.)

Guyer, P., 2000. *Kant on Freedom, Law, and Happiness*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hessen, S., 1912. Mystik und Metaphysik. *Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*, 2(1), pp. 92-113.

Hessen, S. I., 1995. *Osnovy pedagogiki: Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu [Fundamentals of Pedagogy: An Introduction to Applied Philosophy]*. Moscow: Shkola-press. (In Rus.)

Hessen, S. I., 2010a. Leo Tolstoy as a Thinker. In: S. I. Hessen, 2010. *Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 711-739. (In Rus.)

Hessen, S. I., 2010b. My Life Story In: S. I. Hessen, 2010. *Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 772-826. (In Rus.)

Hessen, S. I., 2010c. Political Freedom and Socialism. In: S. I. Hessen, 2010. *Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 529-564. (In Rus.)

Hessen, S. I., 2010d. State of Law and Socialism. In: S. I. Hessen, 2010. *Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow: ROSSPEN. pp. 43-392. (In Rus.)

Гессен С.И. Мое жизнеописание // Избр. М. : РОССПЭН, 2010в. С. 772–826.

Гессен С.И. Политическая свобода и социализм // Избр. М. : РОССПЭН, 2010г. С. 529–564.

Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Избр. М. : РОССПЭН, 2010д. С. 43–392.

Гессен С.И. Эммануил Кант. (К двухсотлетию со дня рождения — 24 апр. 1724 г.) / публ. и коммент. М.А. Колерова // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 160–171. doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-6.

Дмитриева Н.А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18, № 2. С. 53–62. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-2-53-62>.

Загирняк М.Ю. Диалектика Г.В.Ф. Гегеля в политической философии С.И. Гессена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 30–36. <https://doi.org/10.17223/1998863X/37/3>.

Загирняк М.Ю. Солидарность как инструмент институционализации свободы в философии С.И. Гессена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С. 121–128. <https://doi.org/10.17223/1998863X/47/13>.

Загирняк М.Ю. Г.Д. Гурвич и С.И. Гессен о возможности формирования социального единства // Кантовский сборник. 2020а. Т. 39, № 3. С. 72–96. <http://doi.org/10.5922/0207-6918-2020-3-4>.

Загирняк М.Ю. Контекст формирования понятия солидарности в учении Сергея Гессена о социальном праве // Социология. 2020б. № 6. С. 226–231.

Загирняк М.Ю. Статус права в аксиологической модели социокультурного развития Гессена // Сергей Иосифович Гессен / под ред. В.В. Сапова, Т.Г. Щедриной. М. : Политическая энциклопедия, 2020в. С. 119–140.

Загирняк М.Ю. Социальная педагогика Пауля Наторпа в аксиологическом историзме Сергея Гессена // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2025. Т. 29. № 1. С. 119–132. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-1-119-132>.

Загирняк М.Ю., Дмитриева Н.А. Национальное образование в аксиологическом историзме С.И. Гессена. Гессен С.И. Славянские страны / публ. и примеч. М.Ю. Загирняка и Н.А. Дмитриевой; пер. с англ. А.В. Брюшинкиной // Вопросы философии. 2026. № 3. С. 80–103.

Hessen, S.I., 2024. Immanuel Kant. (On the Bicentenary of His Birth — 24 April 1724). Publication and Commentary by M. A. Kolerov. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 160-171. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-6>.

Kant, I., 1991. On the Common Saying: This May Be True in Theory, but It Does Not Apply in Practice. In: I. Kant, 1991. *Political Writings*. Edited by H. S. Reiss. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 61-63.

Kant, I., 1996b. The Conflict of the Faculties. In: I. Kant, 1996. *Religion and Rational Theology*. Translated by M. J. Gregor and R. Anchor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 233-328.

Kant, I., 1996c. The Metaphysics of Morals (1797). In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.

Kant, I., 1996d. Toward Perpetual Peace. A Philosophical Project (1795). In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 317-351.

Kant, I., 1998a. *Critique of Pure Reason*. Edited by and Translated by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1998b. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Translated and edited by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Edited by P. Guyer. Translated by P. Guyer and E. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2007. Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöller and R. B. Louden, translated by A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 107-120.

Kolerov, M. A., 2024. Russian Political Kant After Liberalism: Sergey Hessen on 1924 Kant Jubilee. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 152-159. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-5>.

Kulikov, V. B., 2020. The Decline of Liberalism (Russian version by Sergei Hessen). In: V. V. Sapov and T. G. Shchedrina, eds. 2020. *Sergei Iosifovich Gessen [Sergey I. Hessen]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 104-118. (In Rus.)

Samojlov, D., 2012. Reception of the Moral Teaching of Emanuel Kant in the Works of Sergey Hessen. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 1: Theology, Philosophy*, 39(1), pp. 43-57. (In Rus.)

Зильбер А. С. Насколько трансцендентальны Кантов принципы публичного права? // Кантовский сборник. 2016. № 1 (55). С. 34–51. <http://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-1-3>

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 39–275.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 68–833.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2. Ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+, 2014. Т. 5, ч. 1. С. 19–474.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ, 2024а. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 31–47.

Кант И. К вечному миру // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ, 2024б. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 159–211.

Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ, 2024в. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 114–158.

Кант И. Спор факультетов // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ, 2024г. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 250–361.

Колеров М. А. Русский политический Кант после либерализма: С. И. Гессен о юбилее Канта в 1924 году // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 152–159. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-5>

Куликов В. Б. Закат либерализма (русская версия Сергея Гессена) // Сергей Иосифович Гессен : сб. ст. / под ред. В. В. Сапова, Т. Г. Щедриной. М. : РОССПЭН, 2020. С. 104–118.

Solovyov, E. Y., 2005. *Kategoricheskiy imperativ npravstvennosti i prava* [The Categorical Imperative of Morality and Law]. M.: Progress-Traditsiya. (In Rus.)

Rickert, H., 1910. Vom Begriff der Philosophie. *Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*, 1(1), pp. 1-34.

Shchedrovitsky, G. P., 2024. Sergey I. Hessen. 112 Essays on the Philosopher. In: *Filosof i metodolog Shchedrovitskiy Petr Georgievich* [Philosopher and Methodologist Peter G. Shchedrovitsky]. Published on 08.01.2024. Available at: https://shchedrovitskiy.com/wp-content/uploads/Gessen_Sergei_Iosifovich_ocherki_o_filosofe.pdf (accessed 15 May 2025). (In Rus.)

Langer, C., 1986. *Reform nach Prinzipien: Untersuchungen zur politischen Theorie Immanuel Kants*. Stuttgart: Klett-Cotta.

Sanchez-Madrid, N., 2025. *Kant on Social Suffering*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vlaskin, A. G. and Ermichev, A. A., 2004. The Political Philosophy of S. I. Hessen. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6, 2*, pp. 42-48. (In Rus.)

Walicki, A., 1987. *The Legal Philosophies of Russian Liberalism*. New York: Clarendon Press of Oxford University Press.

Walicki, A., 2020. Sergey Hessen: Philosopher in Exile. In: V. V. Sapov and T. G. Shchedrina, eds. 2020. *Sergey Iosifovich Gessen* [Sergey I. Hessen]. Moscow: ROSSPEN, pp. 10-32. (In Rus.)

Zagirnyak, M. J., 2017. Hegel's Dialectic in Political Philosophy of Sergius Hessen. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 37, pp. 30-36. <https://doi.org/10.17223/1998863X/37/3>. (In Rus.)

Zagirnyak, M. J., 2019. Solidarity as an Instrument of the Institutionalization of Freedom in Sergius Hessen's Philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 47, pp. 121-128. <https://doi.org/10.17223/1998863X/47/13>. (In Rus.)

Zagirnyak, M. Yu., 2020a. Georges Gurvitch and Sergey Hessen on the Possibility of Forming Social Unity. *Kantian Journal*, 39(3), pp. 72-96. <http://doi.org/10.5922/0207-6918-2020-3-4>.

Zagirnyak, M. Yu., 2020b. The Context of the Formation of the Concept of Solidarity in the Sergius Hessen's Conception of Social Law. *Sociology*, 6, pp. 226-231. (In Rus.)

Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. С. 15–42.

Самойлов Д. Рецепция морального учения И. Канта в сочинениях С. И. Гессена // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. 2012. № 1 (39). С. 43–57.

Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М. : Прогресс-Традиция, 2005.

Щедровицкий Г.П. Гессен Сергей Иосифович. 112 очерков о философе // Философ и методолог Щедровицкий Петр Георгиевич [08.01.2024]. URL: https://shchedrovitskiy.com/wp-content/uploads/Gessen_Sergei_Iosifovich_ocherki_o_filosofe.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

Dierksmeier C. Zur systematischen Liberalität von Kants Politik- und Staatsbegriff // Kants Lehre von Staat und Frieden / hrsg. von H. Ottmann. Baden-Baden : Nomos, 2009. S. 42–63.

Guyer P. Kant on Freedom, Law, and Happiness. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.

Langer C. Reform nach Prinzipien: Untersuchungen zur politischen Theorie Immanuel Kants. Stuttgart : Klett-Cotta, 1986.

Sanchez-Madrid N. Kant on Social Suffering. Cambridge : Cambridge University Press, 2025.

Об авторе

Андрей Сергеевич Зильбер — кандидат философских наук, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: azilber@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-4086>

Для цитирования:

Зильбер А.С. Правовые ориентиры государственных реформ: кантовские мотивы в философии С.И. Гессена // Кантовский сборник. 2026. Т. 45, № 1. С. 97–129.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-5>

© Зильбер А. С., 2026.

Zagirnyak, M. Yu., 2020c, The Status of Law in the Axiological Model of Socio-Cultural Development of Hessen. In: V.V. Sapov and T.G. Shchedrina, eds. 2020. *Sergey Iosifovich Gessen [Sergey I. Hessen]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 119-140. (In Rus.)

Zagirnyak, M. Yu., 2025. Paul Natorp's Social Pedagogy in Sergey Hessen's Axiological Historism. *RUDN Journal of Philosophy*. 29(1), pp. 119-132. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-1-119-132>. (In Rus.)

Zagirnyak, M. Yu. and Dmitrieva, N. A., 2026. National Education in Sergey Hessen's Axiological Historism. *Voprosy filosofii*, 3, pp. 80-103. (In Rus.)

Zilber, A. S., 2016. How Transcendental Are Kant's Principles of Public Law? *Kantian Journal*, 1(55), pp. 34-51. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-1-3>. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Andrey S. Zilber, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: azilber@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-4086>

To cite this article:

Zilber, A. S., 2026. Legal Aspects of State Reform: Kantian Motives in the Philosophy of Sergey Hessen. *Kantian Journal*, 45(1), pp. 97-129.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-5>

© Zilber A. S., 2026.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)